

Александр Берзан

КУНАШИР

*Дневник
научного сотрудника заповедника*

Ботаник

Отшельник

Вольный стрелок

Александр Берзан

**Кунашир. Дневник научного
сотрудника заповедника**

«Издательство «Перо»

2022

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Берзан А. П.

Кунашир. Дневник научного сотрудника заповедника /
А. П. Берзан — «Издательство «Перо», 2022

ISBN 978-5-00204-268-5

Выросший в лесах Сахалина молодой человек, после окончания института, становится ботаником созданного всего лишь год назад заповедника Курильский. И с головой погружается в буйство дикой природы самого южного из Курильских островов – острова Кунашир. День за днём, автор работает в лесах заповедника. Полевые дневники этого научного сотрудника и являются содержимым данной книги. Для большинства людей нашей большой страны Курильские острова – это цепочка безликих островков, затерянных в бесконечных туманах Тихого океана. И Кунашир – один из них! Кунашир... Это самый южный из больших Курильских островов. Природа этого острова удивительна! Это бездонный мир дикого леса! Моё детство и юность прошли в лесах Сахалина. Я работал в Поронайском заповеднике на Сахалине, в Лазовском заповеднике в Приморском крае, в Ботчинском заповеднике в Хабаровском крае. Но такой концентрации дикой жизни на одном квадратном метре «лесной поверхности» я не встречал нигде. Невообразимые лопухи; речки, полные рыбы; медведи, орланы. Лесная жизнь среди вулканов... Многочисленные встречи с реликтовыми растениями, с удивительными птицами и опасными зверями... Полный экзотики лесной мир Кунашира! Затерянные в этом лесном море кордоны заповедника. С утра и до вечера – лес, лес и лес... Это физически тяжёлая и часто, опасная работа. Эта книга будет интересна тем, кто бредит романтикой путешествий, экспедициями по диким просторам российского Дальнего Востока. Каждая глава – это год лесной жизни научного сотрудника заповедника «Курильский». Мой кумир Г. А. Федосеев писал об экспедициях геодезистов, о тяжёлой и героической полевой жизни этих людей. А я – постарался простым языком рассказать о лесной жизни научного сотрудника Курильского заповедника. Все встречи с растениями и животными – они абсолютно реальны. Это – буквально зарисовка с натуры! Я старался до

мельчайших штрихов, с документальной точностью описать каждую такую встречу. Словами, а не красками, предельно точно нарисовать картину, которую видишь... Я очень благодарен Алексею Капустьяну, за эту книгу. Без него – ничего не было бы. Я буду благодарен ему за это всю жизнь. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00204-268-5

© Берзан А. П., 2022

© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Введение	7
Глава 1. Ботаник	12
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Берзан
Кунашир. Дневник научного
сотрудника заповедника

© Берзан А.П., 2022

Введение

Наш посёлок «Еловое» стоял посреди хаоса сопок, под самым Камышовым хребтом, что в средней части Сахалина. Лесопункт Макаровского леспромхоза. Дома из бруса нашей поселковой пилорамы, крытые дранкой. Вы знаете, что такое дранка? Дощатые заборы огородов, топящиеся дровами печи. Мы не знали вообще, что такое каменный уголь! Восьмилетняя школа. В моем классе было восемнадцать учеников... Больница, пекарня, промтоварный и продуктовый магазины, столовая, детский сад. Клуб. На взгорке перед клубом, высоко на столбе висел громкоговоритель. На всю котловину посёлка он вещал с утра до вечера. Радио – это склянки точного времени каждый час! Это Маяк – все новости нашей страны и мира. Клуб – это кино, каждый вечер. Клуб! Это средоточие поселковой жизни. В клуб взрослые ходили нарядившись, парами, как в театр...

До цивилизации, города «Макаров» в устье нашей Макаровки – сорок пять километров грунтовой дороги, вниз по речке. Речка, у нас – горная.

Сопки, сопки... Целая страна покрытых лишь горелыми пнями и поросших травой, сопки! Сплошными массивами, хвойный лес начинался под хребтом, на уровне нашего посёлка.

С весны, как только сходил снег, как и все мальчишки нашего посёлка, мы пропадали в лесу, на рыбалках. Предметом подражания, у меня были индейцы. Книгу Г. А. Федосеева «Злой дух Ямбуя» мама прочитала нам в младших классах, в качестве семейных чтений. Позднее, я зачитывался другими книгами Федосеева. Я знал, их – все! И это было естественно. Таёжная романтика этих книг была прямо вокруг нас! Она была нашей повседневной, лесной жизнью...

Я, мой младший брат Игорь и мой одноклассник Вовка Казазаев – мы «специализировались» на лесных походах. Нас манил горизонт...

В начале лета, после шестого класса, Шерстнёв Сашка провёл меня с моим старшим братом Сергеем, по тропе через перевал в истоках Сорок второго ручья, на лесопункт Прудный. Для меня – это было путешествие в запредельно неизведанное.

Под осень, с более старшими парнями Столпецкими Колькой и Петькой, мы с нашим Сергеем перевалили Тумановку и по распадку спустились к речке Горная. Это была таинственная, чужая страна. Местность, где не бывал никто из жителей Елового!.. Речка! Нехоженые человеком берега... Какие крупнющие каменки бросаются на крючок! Первозданная, абсолютно дикая природа...

Май. Раннее утро. Мне четырнадцать. Заспанный, я выхожу на кухню. Мама уже крутится у потрескивающей дровами, печки. Сейчас, весной, коров выпускают пастись так рано...

– Саша! Деточка! – оборачивается ко мне, мама, – Чего поднялся? Иди, поспи!

– Мам, медведь...

– Да, пасётся твой медведь! – ругается на меня, мама, – С самого рассвета пасётся!

Я хватаю взятый у Сергея Соловьёва бинокль и торопливо выхожу на крыльцо. На дворе – совершенно безоблачное, синее небо! А, запах какой! Весна!

Я лезу по широким ступеням лестницы на плоскую крышу сеней. Лестница, в нашем доме – не как у всех. Она – «стационарная», устроена рядом с дверью в дом. Ступени из широких досок.

На, по-весеннему ядовитой зелени крутого склона высоченной Школьной сопки, что гигантской плитой закрывает плато нашего посёлка с севера, я высматриваю чёрное пятнышко и навожу на него круглое поле бинокля. Это – медведь! Я жадно смотрю, как под лучами утреннего солнца, сально лоснится чёрная шерсть на медвежьем боку! Я долго-долго смотрю в

бинокль, на пасущегося над нашим посёлком, медведя. Смотрю, как играют на лопатке бугры его мышц...

С Казазаевым Вовкой мы часто забегаем на Магазиновую сопку, стоящую по другую сторону поселкового плато. Чуть ли не каждый день. Стараясь побыстрее. Каждый день мы стоим над нашим посёлком и смотрим на него с высоты... За много раз, тропинку набили.

– Смотрела, как вы на сопку поднимались! – улыбается мне как-то дома, мама, – Ты прыгаешь вверх, как кабарга. Прыг! Прыг!.. А следом – длинноногий Вовка, как лосёнок.

К концу лета, перед восьмым классом – уже не осталось сопок на горизонте, на которых мы не побывали бы, даже в самых дальних окрестностях нашей, Еловской страны.

...Мы, своей тройкой, шагаем от посёлка, по гряде сопок, в сторону Первого распадка.

– «Путники перевалили через сопку и их взорам открылась величественная картина!» – с пафосом декламирую я, подражая книжным путешественникам.

Высокий, ширококостный Вовка спокойно улыбается мне в ответ.

...Мы стоим высоко – на вершине покрытой ельником, Сирабукской сопки. Мы смотрим поверх острых сопок, далеко на восток, через лежащую далеко под нами котловину с плоским плато нашего посёлка, за острую стену Тумановского хребта. Там, за Тумановкой, над сопками возвышается грандиозная гора. Покрытая хвойным лесом сопка, на которой стоит гигантский каменный молот, в качестве вершины! Из всех, видимых нам отсюда вершин, мы не были – только на этой.

На следующее утро, мы, своей неизменной тройкой, поднимаемся по Просеке и переваливаем через острый гребень Тумановского хребта. Скатываемся двести метров вниз по крутому травянистому склону – и начинается исток ручья. В чужую страну... По распадку ручья мы спускаемся до речки Горная. Этот путь мне известен, я здесь уже был прошлым летом.

Только теперь – в месте впадения этого ручья в Горную, стоит база лесорубов! Бревенчатые балки, рев трелёвочных тракторов... Лесные, стеснительные подростки, по окраине расчищенной от леса площади, мы обходим стороной человеческое жильё...

– Что встал, Семён? – возле балков, один мужик окликает другого.

– Какие-то мальчишки! – недоумённо отвечает тот, – Вон, там! По краю прошли!

– Шутишь? – сплёвывает его собеседник, – Откуда, им, взяться?

Мы пересекаем лопуховый ивняк долинки Горной и уходим по хвойному лесу дальше, в направлении горы-молота...

Ельники кончились. Выше – кедровый стланик. Мы долго продираемся среди кедрового стланика, вверх по склону... Всё круче становится склон! Вот уже сплошные заросли кедрача прорываются участками голых, каменных плит...

Вот, нам уже приходится карабкаться круто вверх, по краям настоящих скал! Значит, скоро вершина!

Но, однажды оглянувшись через плечо на сопки, на небо – мы понимаем, что у нас уже не остаётся светлого времени, на обратный путь.

– Ну, вот! – расстраиваюсь я.

– Как жаль! – вздыхает рассудительный Вовка, – Возвращаться нужно...

– Ага, – кивает Игорь, – Нам бы засветло перевалить через гребень Тумановки!

Здесь же, среди скал, в кедровом стланике, мы переводим дух. И начинаем скатываться обратно. Нам бы – где время взять?..

Вот. Выбрались! Перекур... Мы устало сидим на узком, как нож, гребне Тумановского хребта. Левая нога свешивается по гладкой каменной плите в нашу Еловскую страну, правая – в сторону Горной.

– Фуууу.

– Ну...

– Ага.

Этот узкий, скалистый гребень – только половина нашего пути домой. На западе, на самом горизонте, красное солнце уже зацепилось за зубья высокой стены Камышового хребта. Через час-другой, прямо под нами, в глубоком распадке Сорок второго ручья, наступят сумерки.

– А! Ничего! – устало улыбаемся мы, спокойно глядя на стоящий на одном уровне с нами, малиновый диск, уже не слепящего глаза, закатного солнца.

– Дальше – и так дойдём! По темноте...

– Ну! Тут – мы и так всё знаем!

– Ага! Тут, мы – у себя дома...

Через год наш посёлок закрыли. Такова участь поселков лесозаготовителей...

Дома стоят. Длинные ряды улиц... Людей нет! Ни-ко-го... Но уже столько раз, практически каждый год, я прихожу к нам, в Еловое. Наш дом – здесь. Он всегда будет здесь... Сейчас осень. Стоит пасмурный день. Дичь и глушь кругом. Я сижу на синем от ягоды обширном склоне нашей ягодной сопки «Первый распадок» и обзираю окрестности. Вокруг стоит первозданная ти-ши-на... До звона в ушах.

– Хм! – хмыкаю я под нос, – На сорок километров вокруг – людей нет!

– Нет, не так! – поправляю я, сам себя – До людей, вниз по речке – сорок пять километров, по прямой. А на север, юг и запад – вообще неизвестно... Сколько, я, здесь? Первый день – дошёл из Макарова до Тихони. Второй день – дошёл до посёлка. Сегодня – третий день... Домой, клоповки нарвать надо. Ещё – сходить нужно по речке вверх, на Сирабуку, до Девяно-сто седьмого. Потом – на Флору ещё, заглянуть... Я – у себя дома.

В этом году – мы шагаем в наш посёлок вдвоём, с моим младшим братом. На ручье Тихоня стоит дощатый балок. Это наша ночёвка, половина пути. Утро нас встречает росистое и солнечное. Уже июль и ручей забит нерестящейся горбушей. Дети леса, мы выдёргиваем из ручья самку горбуши и прямо на галечной косе ручья, на зелёном лопухе белокопытника засаливаем икру. Пять минут! Мы «заправляемся» икрой с хлебом и уже через пару минут шагаем по дороге, под рюкзаками, дальше.

– Саш! – хмыкает Игорь, – Нам и костёр не нужен! Чтобы поесть...

Посёлок Соболиное, чуть севернее средней части Сахалина. Мне – уже восемнадцать. Мы работаем на отводах леса. Всё лето, под руководством лесника Петровича, мы с Юрой, двое практикантов лесного техникума, с ватагой местных мальчишек-девятиклассников, живём в большой избе, стоящей на террасе в месте впадения речушки Приторной в речку «Нерпичья», в пяти километрах дальше табора лесорубов. Это – конец лесовозной трассы. Тупик. Дальше нас – вообще никого нет. Дичь и глушь. Зелёное море тайги...

Каждый вечер, большим кругом подростков, мы сидим на поляне у своей избы, вокруг костра. Темнота вокруг и лес. В непроглядной черноте, в двух метрах под нами, то и дело вспыхивает водой, наша Приторная.

– Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп! Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп!..

Каждый раз, я только скашиваю, на эти звуки, глаза. Я знаю – это горбуша. Там, в речушке, в кромешной темноте, дерутся горбыли, гоняются друг за другом по мелководью. Нам, детям леса, привычны эти ночные звуки. Сейчас, горбушей забит и наш ручей и сама Нерпичья.

– Шлёп-шлёп-шлёп! Шлёп-шлёп-шлёп-шлёп!..

– Хм! – про себя, хмыкаю я, – А так – будто стая медведей носится по речке! Не отличить...

Лето проходит. Отросли до плеч, мои волосы. Загорел – до бронзовости, как индеец. Петрович привёз на грузовике женщину, из бухгалтерии лесхоза. У нас – проверка.

– Петрович! Маугли! Там! По речке пробежал! – я слышу позади изумлённый голос этой кореяночки.

Это не Маугли, это – я. Промчался босиком по галечной косе Нерпичьей, в одних обтрёпанных снизу брюках, гонясь за проскочившей вниз по речке, рыбой... Всё свободное от лесной работы время, я пропадаю на речке. Я ловлю огромных гольцов. На примитивнейшую удочку! Удилище из срезанного здесь же ивового прута. Одинарный крючок, с икринкой! Нужно суметь высмотреть осторожную рыбку в шлейфе стоящей по всей ширине речки, горбуши. Нужно подкрасться, буквально раздвигая горбушинные тела ногами и тихо-тихо забросив удочку в воду, изошряться подвести крючок с икринкой прямо к гольцовому носу... Поймать такого гольца – это настоящее искусство!

– Больше кетины! – очередной раз удивляюсь я, сам себе, – Таких здоровенных гольцов – никто из местных соболинцев в глаза никогда не видел!..

Курилы. Остров Симушир. Самая середина цепи Курильских островов. Студенческая экспедиция «Магнолия». Мой первый полевой сезон. Геоморфолог Грабков и мы, два студента второго курса института – почвовед Капустьян и я, ботаник. Мне – двадцать два. Мы «тянем» геоботанический профиль через вершину вулкана «пик Прево».

Дикий, запредельный туризм! Помимо всего, в моём неподъёмном рюкзаке – гербарная рамка. Этот, полуметровый по толщине, «кирпич» газетной бумаги занимает половину объёма моего рюкзака...

И восемнадцать килограммовых мешочков почвенных образцов! Знаете, такие стандартные матёрчатые мешочки, для геологических проб?.. Подниматься по склону с таким весом – ещё куда ни шло, а спускаться – вообще проблема. При шаге вниз, одна нога никак не может выдержать эту тяжесть! Шаг! Ещё шаг!.. Мы трудно спускаемся по каменистому ручью, к морю. Я с завистью посматриваю на Капустьяна – у него штыковая лопата, которой он копает свои почвенные шурфы. На каждый шаг вниз – он сначала упирается своей лопатой в ступеньку камней, что ниже. Лопата, ему – как верный костыль! А мне – хоть зубами скрипи...

Вечер. Темнота. Своей тройкой, мы устало сидим вокруг нещадно дымящего костерка. Почти касаясь языков пламени, на двух, перекрёстно вбитых в бамбуковый склон кольях, сушится моя, туго набитая «травой», гербарная рамка. Моя большая проблема – среди этой вечной влажности подсушить, сохранить от плесени драгоценный гербарий...

Последние полдня мы валили вниз по высоченному кедровому стланику, к морю.

– Алексей! С утра нужно будет сделать один шурфик, – раздумывает Грабков, неотрывно глядя в огонь, – Там, где Саша нас подждал, в кедровом стланике. Помнишь?

– Ну... – односложно отзывается Капустьян.

– Ааа... – киваю я, переворачивая гербарную рамку другой стороной, к жару костра, – У куста тиса...

– Какого тиса?! – изумляется Владимир Константинович.

– Ну... – поднимаю я, на него, глаза, – Там, среди кедрового стланика, мне попался куст тиса. Широкий такой! Выше человека, высотой. Из-за него, я там и тормознулся.

– Саша! – смотрит на меня, Грабков, – На Симушире нет тиса!

– Ну, что я, совсем дурак?! – недоумённо смотрю я, на командира, – Тиса не знаю?!

– Я ознакомился с материалами всех предыдущих экспедиций! – артачится начальник, – Нужно было определить границу геоботанического подрайона... Я специально, по ареалу тиса, смотрел! Он заканчивается далеко южнее, ещё на Урупе! Может, ты уставшим глазом... спутал?

– Я?! – захлёбываюсь я, – Тис спутал?!

– Всё, Саша! Всё... – отыгрывает назад, Грабков, – Ну... Тогда, это – ботаническое открытие!

Капустьян расплывается в улыбке: «Ха! Мы тис нашли!».

– Ураааа! – уже голосит он, – Магнолия, на Симушире, тис нашла!

– Ладно. Решено, – распоряжается Грабков, – С утра – сразу на склон, к тису! Нужно его зафиксировать!

Отбой. Я лежу в нашей тесной палатке, в своём спальнике.

– Тис, – крутится в голове опасливая мысль, – Мог я, его, спутать? Откуда я знал, что официально – его, на Симушире, вообще нет?!. Ну что я, совсем дурак?!

Завершился очередной рабочий день. Сегодня он был – шикарный, солнечный. Закатное солнце золотит травяной пятачок на берегу моря. На этой терраске стоит наша брезентовая палатка. Догорает рабочий костерок. Ветра нет. На море полный штиль. Измотанный за день, я, на пять минут, забываюсь в палатке.

– Бе-е-е-е-е! Бе-е-е-е-е! непрерывно несётся с моря.

– Каланы... ворочается в голове сонная мысль, Словно, в стаде овец...

До моего уха, через брезент, от костра доносится голос Владимира Константиновича: «Алексей! Где ты, такого, нашёл?!».

На картошке! устало отзывается Капустьян, Вы же знаете – прошлой осенью, после Филлиса, загнали наш институт в Тымовское! Вечером как-то, на нашей базе, я смотрю – мой напарник по погрузке мешков веточки в газеты укладывает! Я его спрашиваю: «Зачем?». Он говорит: «Себе, в гербарий! У нас, на юге Сахалина, у ив – совсем другие листья!». Вы видели в нашем институте, второго такого студента?! Для меня, лес – это ёлка и берёза! Остальное трава.

– Поэтому, ты – почвовед! – рассуждает в ответ Грабков, – А он – ботаник.

Грабков с Капустьяном – напарники. За их плечами супертяжёлый полевой сезон на севере Кунашира. Тяжёлое, оно сплачивает навсегда. Они больше, чем друзья, они – свои люди...

Глава 1. Ботаник

С момента создания заповедника «Курильский» прошёл только год. Здесь все – новые и всё ново. Но, для меня, растительность Кунашира – обычное дело. За моими плечами целых три полевых сезона работ экспедиции Магнолия, один на Симушире и два – на Кунашире.

Территорию нового заповедника нужно обустроить. И на Кунашир прибыли сотрудники Амурской лесоустроительной партии. Приказом директора заповедника, я придаюсь лесоустроителям, в качестве консультанта по местным деревьям и кустарникам.

Сегодня – уже двадцать первое мая! Мы, вместе с лесоустроителями, выезжаем «в поля», на юг острова... С низины Серноводского перешейка наш, полный народу, бортовой Зил-157 натужно преодолевает затяжной подъём на высоченный «стол» мыса Четверикова. И сразу, машина сворачивает влево, к большому бетонному дому. Теперь, это – кордон нашего заповедника.

Всё! Приехали! Мы спрыгиваем через борт, на землю. Я озираюсь вокруг: «Да! Сезон весенних проталин пролетел в конторской суете». Прошёл уже месяц, как здесь растаял снег! И сейчас, на небе сияет слепящее солнце. Мне в глаза бросается цветочная радуга! Вокруг – невероятно зелёная трава! Ярко-жёлтый ковёр одуванчиков – просто цветник под ногами!

– Ци-цу-ци-ци! Ци-цу-ци-ци-ци-цу-ци-ци! – над плоскостью высокого мыса стоит нескончаемый звон жаворонков.

Весна! Весна обрушивается на мою ботаническую голову...

Сходу, я «попадаю в руки» молодому человеку, который оказывается лесником заповедника. «Мелкий», сухой, очки, «свердловская» бородка, выцветшая на солнце, брезентовая штормовка... Александр Воробьёв тычет пальцем в каждую новую травинку, у нас под ногами. Его бесконечное: «А, это что?» вовсе меня не раздражает...

– Два дня назад, я по Андреевке ходил! – сообщает он мне, – Там, под пихтами, кустики с тёмно-зелёными листьями. Что это? Не знаешь? Они, еще, цветут. Такими мелкими, жёлтыми цветочками.

– Уже сейчас цветут?! – удивляюсь я.

– Ну! – кивает он головой, – А, что?

– Интересно очень! – хмыкаю я, – Так рано!

Оба предыдущих полевых сезона моих работ на Кунашире пришлись на вторую половину лета и осень. Эта Кунаширская весна, для меня – первая.

– Не знаю даже, – озадачиваюсь я, – Мало информации! Вот, глянуть бы, на них...

– Ну, так пойдём! – Александр лёгок на подъём, – Здесь – рядом!

– Пойдём, – озадачиваюсь я, такому радикальному решению проблемы.

И мы с Александром спешим с плато звенящего жаворонками мыса к лесу, через дорогу...

Колеи заросшей лесной дороги, через обширную пустошь, заполненную зарослями курильского бамбука в пояс высотой, выводят нас к Андреевке. Мы поворачиваем влево, вверх по течению и неторопливо бредём вдоль берега этой речушки. Высокий, противоположный склон её распадка покрыт хвойным лесом, с плотным подлеском из бамбука, около ста двадцати сантиметров высотой. Если учесть, что уровень моих глаз – сто пятьдесят пять...

– Вон, они! – показывает вперёд рукой, Александр, – Кустики!

Мы подходим ближе – под тенью толстых, раскидистых пихт, на веточках с продолговатыми, тёмно-зелёными, глянцевыми листьями, светятся мелкие, лимонно-жёлтые колокольчики! Я приседаю рядом с веточками на корточки: цветки сидят прямо на зелёном стебле!

– Первым делом, – прищуриваюсь я, через свои круглые очки, на кустики, – Нужно взять пару веточек! Для гербария.

И я пытаюсь сломать одну веточку... Не тут-то было! Ветка гнётся, словно резиновая. Прямо-таки, неестественная гибкость!

– Вот же, чёрт! – злюсь я, стараясь оторвать вершинку веточки, – В любую сторону!

Наконец, бросив бесплодные попытки, я вытаскиваю, из ножен на поясе, свой огромный тесак и взмахнув им, срубаю две вершинки. Открываю определитель растений...

– Это волчник! По-научному «дафна».

– Ну и что? – Александру, это название ни о чём не говорит, – Я, о волчнике, ничего не слышал.

– Его, ещё, называют волчьим лыком! – подсказываю я, – «Волчье» – потому, что ядовито.

А «лыко» – я думаю, что из-за вот этой, удивительной гибкости.

– Гибкость я вижу! – кивает Александр.

– В европейской части нашей страны, – пытаюсь я «выдать на гора» всё, что помню о волчьем лыке, – Волчье лыко цветёт густо-розовыми цветками, а у нас – вот! Лимонно-жёлтыми.

– Аааа! – прозревает Александр, – Так бы и сказал! У нас, под Ленинградом, оно именно так и цветёт, розовыми цветками!

Ну, вот. Дело сделано. Надо перекурить, да и двигать в обратный путь. Александр закуривает беломорину. Огибая обширные, зелёные кроны обступивших нас, толстенных пихт, синий папиросный дымок, нехотя струится вверх...

Я не курю. Я набираю полную грудь, такого душистого, лесного воздуха.

– Ах! – закрываю я глаза, – Хорошо-то как, в лесу! Наконец-то вырвался!..

Экспедиция «Магнолия». Это легенда! Продукт Владимира Константиновича Грабкова. «Студенческая группа по изучению почвенно-растительного покрова Курильских островов». Первый свой сезон, осенью после второго курса института, в качестве ботаника этой экспедиции, я отработал на острове Симушир. Вулкан Пик Прево! Красивейший из всех! И невероятно трудный... Мы штурмовали этот вулкан дважды – два геоботанических профиля, через его вершину...

Следующий полевой сезон мы провели на Кунашире. Здесь мы «гнали» геоботанический профиль через вершину вулкана Тятя, на севере острова. В третий полевой сезон мы штурмовали кедровые стланики вулкана Менделеева, в средней части Кунашира. Такой же профиль мы проложили через кальдеру вулкана Головнина, на юге острова.

«Магнолия»! Всё – за свой счёт! И проезд, и продукты, и туристическое снаряжение. И это воспринималось нами нормально. Это, ведь – наше, студенческое хобби... А, сейчас? Подумать только! С шестого апреля, я являюсь штатным ботаником заповедника! Мои ощущения? Ха! Мир перевернулся! Я делаю ту же самую работу ботаника, но только, теперь – мне, за неё, деньги платят! Мир перевернулся!..

– Шур – шур! Шур – шур! – чуть слышно, как где-то высоко над нами, на склоне распадка сопки, рывками продвигается по шершавому стволу ели, дятел.

– Ах, какая благодать!..

– Чу! – словно током, прошибает меня тревожная мысль, – Это не дятел!

Не выказывая тревоги, я сижу, весь обратившись в слух, ещё не уверенный до конца.

Тишину нарушает тихий голос Александра: «Слышишь?». Удивлённый тем, что звуки леса интересуют не только меня, я скашиваю на него глаз: «Ага!». И опять замираю, вслушиваясь в звуки...

– Гогг...

Вот! Моё ухо улавливает этот короткий, едва различимый среди какофонии звонких птичьих голосов весеннего леса, горловой звук.

– Медвежонок? – утвердительно спрашивает Александр.

– Да! – теперь уже без всяких сомнений, коротко киваю я, глазами прошупывая лес на склоне, над нами.

– Уходим, – говорит Александр.

Мы встаём с валёжины и тревожно оглядываясь на подступающий к речушке, лесистый склон сопки, уходим прочь. Я очень доволен тем, что направление нашего отступления совпадает с дорогой на кордон. У нас-то, всей защиты – мой большой тесак...

По дороге через бамбуковое поле, шагающий впереди Александр, на мгновение оборачивается ко мне и хмыкает: «Хорошо то, что хорошо кончается!».

– Ага! – облегчённо киваю я, в ответ...

Дни текут своей чередой. У каждого из обитателей кордона на мысе Четверикова – своё дело. Я – ботаник. С утра до вечера, я занимаюсь «свободной охотой». Под потолком кордона сушатся мои гербарные рамки...

Очередное утро. Я – в свободной охоте... По низкой морской террасе, под мысом Четверикова, разлита голубизна хохлаток.

– Привет, хохлатка сомнительная! – радостно здороваюсь я, – Цветок весны!

– О! Ветреницы! Анемона дебилис! Ветреница слабая! – я внимательно осматриваю россыпь мелких беленьких цветочков, в траве под ногами, – Да, как вас много!

Ярко-жёлтыми звёздами, на свежей зелени весенней травы сверкают цветки одуванчика. Рядом с ними блестят лепестками, ещё более яркие цветки адониса.

– Одуванчик аптечный! Адонис амурский! – щёлкают у меня в голове, названия растений.

Ведь, голова ботаника – это ходячий определитель растений. Вся эта весенняя зелень мне очень даже знакома, по родному Сахалину...

По склонам морского побережья, обильно цветёт уже несколько видов фиалок! Я их, конечно, уже определил! Толстая книга «определитель растений» у меня всегда под рукой. И я уже заложил их в свою гербарную папку...

А, как приятна глазу небесная синева мелких цветочков незабудки!

– Ах! – восторгаюсь я этой синеве, у себя под ногами, – Незабудка сахалинская!

Я так рад весенним цветкам! Привычным движением, я снимаю свой ботанический рюкзачок с плеч и, развязав гербарную папку, бережно укладываю между её газетными листами несколько незабудок...

Всё! Я забрасываю рюкзачок за плечи. Вперёд! Моя зелёная охота продолжается...

Вот! На морской террасе, передо мной стоят две клумбы ярко-жёлтых нарциссов.

– Ах! – изумляюсь я, – Нарциссы! Какие махровые! В жизни, таких, не видал!

Из определителя растений следует, что эти цветы, для дикой природы Кунашира не характерны. Оказывается, они завезены на наш остров человеком, являются одичавшими и в настоящее время произрастают по местам бывших поселений...

Всё. Я убираю гербарную папку в свой ботанический рюкзачок и забрасываю его за спину. Можно идти дальше. А я стою и никак не могу тронуться с места. Я грустно смотрю на нарциссы...

– Вот, что значит, время! – думаю я, – В прошлом, кануло всё. И жилища, и даже, сами люди. Ни-че-го нет... Дикое побережье вокруг. Ничто, уже, не напоминает здесь о былом! Ничто... И только каждую весну, по-прежнему пышно, расцветают две клумбы ярко-жёлтых, махровых нарциссов...

На низкой морской террасе, мой, натренированный глаз ботаника, упирается в кустарник, высотой в рост человека. Не сводя с кустарника заинтересованного взгляда, я с ходу подворачиваю к нему.

Тонкие, зелёные прутики... Молодые листочки, пучками, ещё только выглядывают из полураскрытых почек. Я, в раздумье, трогаю прутики пальцами: «Что же это такое?». Вот, из почек выглядывают зачаточные, ещё не развитые серёжки!

– Вроде бы, на иву похоже... – пожимаю я плечами, – Но!.. Какая же, это ива?! Если почки располагаются не поодиночке (очередное листорасположение), как у всех ив, а строго напротив друг друга?! Следующие две почки, также, сидят одна напротив другой, но сдвинувшись на девяносто градусов вокруг оси побега. Классическое супротивное листорасположение!

– Сейчас, посмотрим! – я раскрываю определитель растений...

– Вот, так новость! – через минуту моё лицо вытягивается, – Ива! Оказывается, есть исключение из общего правила! Это – ива!

– Представляешь? – в восхищении, я разговариваю сам с собой, – Ива! Блин, это ива!

Удивительно... Особняком от всего «ивового рода» стоит ива Корионаги. В определителе, она приводится только для Кунашира. И опять – как заносной вид, то есть, вид, завезённый сюда человеком.

– Какая-то японская ива! – вслух размышляю я, – Почему японская? Потому, что в её названии «Корионаги» стоит с большой буквы – значит, это фамилия. Эта ива названа в честь какого-то Корионаги... Эту иву сюда привезли люди! Когда-то... И посадили у своего жилища...

Это ещё одна разгадка для моего «ботанического» ума. Я – очень, ей, доволен!

По скалистым склонам морских террас мыса Четверикова разбросаны малиновые пятна из множества мелких цветков. Я раскрываю свою гербарную папку...

По определителю растений, эти мелкие растеньица – это первоцвет Фори.

– Хм! Опять с большой буквы! – хмыкаю я, промежду делом, – Этот первоцвет назван в честь какого-то Фори! Я думаю, что этот Фори был французом, с ударением на втором слоге... Наверняка, это опять кто-то из первооткрывателей Курил.

Яркие краски весны радуют мой глаз и душу. После аскетичной белизны зимы, так приятно эта буйная зелень! Я стою на краю высоченного берегового обрыва мыса Четверикова и смотрю вниз, на покрытый ольховником склон справа от меня. Я смотрю на то, как голые ветки ольховника раскачиваются на тёплом ветру. Ветер сильно тянет по склону снизу, от моря. При каждом его порыве, жёлтые облачка пыльцы срываются с переспелых, свисающих тяжёлыми гроздьями с веток серёжек и плывут мне навстречу... Я качаю головой и восторженно улыбаюсь весне: «Ольха курчавая! Целые облачка пыльцы! Никогда такого не видел!»...

Сегодня утром мы отправляемся на Серноводский перешеек. У лесников кордона Александра Воробьёва и Андрея Архангельского, там – свои дела. Им нужно установить два аншлага, обозначающих границу заповедника. Я же сегодня, как всегда, займусь «свободной охотой».

Бездонное, синее небо! Яркое солнце ослепительно сияет над головой. Кругом – такая теплынь! Через пару часов я понимаю, что мы слишком тепло одеты! Я стягиваю свой синий свитер и привычно, по лесному, завязываю его рукавами, вокруг пояса. Кочкарниковая низменность Серноводского перешейка сплошь поросла низкорослым ольховником. Бесконечные кочки этой равнины покрывает ковер клюквы. Я сбрасываю с плеч свой ботанический рюкзачок, раскручиваю несколько плетёнок клюквы и торопливо (меня никто не ждёт) закладываю их в свою гербарную папку...

Вокруг меня, розовыми шишечками, обильно цветут плотные заросли какого-то, по колено высотой, кустарничка. Необычное и совершенно незнакомое мне растение! Я открываю определитель растений...

– Восковник опушённый! – через несколько минут, я отрываю глаза от книги, – Классно!

– Восковник опушённый... – я «пробую на зуб» новое название.

У меня – очередное ботаническое миниоткрытие! Я, ему – очень рад! Я торопливо шагаю дальше, догоняя ушедших вперёд, лесников...

Здесь же, часто встречается другой, более высокий кустарник! Глянцевые, тёмно-зелёные листочки его кустов заметно красят однотонно-серую, после зимы, равнину перешейка.

– Это – падуб! – прикидываю я, – Падуб морщинистый я знаю. Интересно, а это – какой? Я сбрасываю с плеч свой рюкзачок и торопливо достаю определитель растений...

– Падуб Сугероки! – вскоре восторгаюсь я, – Первая категория редкости!

Из трёх падубов, встречающихся на Кунашире, этот – самый редкий. Как я понимаю, этот падуб назван в честь какого-то японца Сугероки.

Пологие склоны невысоких сопок, образующие северный борт перешейка, сглажены тёмной щёткой хвойных массивов. Шагать по пружинистой, кочкарниковой равнине перешейка трудно. Но постепенно, мы всё же подходим к лесу...

Это пихтарник. Мы входим под крышу хвойных крон. И я с любопытством озираюсь вокруг. Среди пихт и елей, здесь мне часто встречаются деревья тиса. Многие из тисов имеют диаметр ствола – около пятидесяти сантиметров!

– Ух, ты! – радуюсь я, – Настоящие деревья!

Но, что ещё более удивительно, для меня – вокруг так обилен и хорош подрост тиса! Из своего опыта я знаю, что у тиса, с возобновлением, дела везде обстоят плохо.

– Какой подрост! – то и дело, удивлённо качаю я головой, – Какой подрост!.. Я, такой подрост у тиса, вообще нигде не видел!

Здесь же, под моими ногами – масса бутонизирующей клинтонии!

– Клинтония удская! – радуюсь я своей старой знакомой, – Здравствуй, легенда! Здравствуй! Как, тебе, я рад!

Клинтония – это легенда работ экспедиции нашей Магнолии на вулкане Тятя. Легенда!.. Это растение из семейства лилейных. Своими листьями, оно очень напоминает черемшу и ландыш. Но, на высокой стрелке её цветоноса красуются неестественно белые колокольцы! При их описании, в литературе, применяется выражение «фарфоровые колокольцы». Удивительные цветки!

Мы шагаем дальше...

Вскоре, я вижу «вытянувшиеся» под тенью пихт, веточки «краснокнижного» падуба морщинистого. Они привлекают моё внимание алыми ягодками.

– Хм! Откуда сейчас, весной, у падуба – спелые ягоды?! – искренне недоумеваю я, присев на корточки, – Сейчас – весна! Цветут – ещё только самые ранние, весенние виды! Но и они – ещё только цветут! А, у этого падуба – уже спелые ягоды!

Я беру пальцами ягодки: «Вон, какие спелые, налитые!». Несколько минут я не знаю, что и подумать...

– Неужели, эти ягоды висят с прошлой осени?! – вдруг, догадываюсь я, – Ну, точно! А, какие ещё могут быть варианты?!

– Ха! – уже окончательно убеждаюсь я, в своей правоте, – Так – они прошлогодние! Вот, это, новость!

Я поднимаюсь на ноги.

– Хм! – хмыкаю я, оглянувшись на ягодки последний раз, – Надо же! Прошлогодние... А, такие свежие, сочные! Просто, не верится...

В пятом часу дня, на обратном пути домой, мы напрямую режем закруглённые склоны сопки, образующих южный борт Серноводского перешейка. Здесь, лесистые распадки затоплены сплошным ковром черемши! Этот ковер черемши – так плотен, свеж и сочен! Обойти стороной эти «луковые» заросли – нет никакой возможности. И мы шагаем напрямую, под сочный хруст черемши, словно по нескончаемой гряде лука, в своём огороде.

– Хрясь! Хрясь! Хрясь!

Эта неприятная процедура режет мне нервы. Поджав губы, я зло шагаю вперёд, по черемше, по черемше, по черемше...

– Гав-гав! Гав! Гав-гав-гав!

Где-то впереди, залаяла Воробьёвская Люська. Поднимаясь дальше по днищу широкого распадка, через пару минут, мы подходим к вырытой в его склоне норе!

– Гав! Гав! Гав! – весело мечется возле неё, рыжая собака Александра.

– О! Нора!

– Лисья нора!

– Ага!

– Гав! Гав! Гав!

Метров двадцать не доходя до норы, Люська игриво облаивает лисёнка! Зверёныш величиной с кошку. Я смотрю на лисёнка и отворачиваюсь. С его мордочки, особенно в уголках глаз, гроздьями свисают шарики набухших клещей. Отгалкивающее зрелище!

Лисёнок ещё не понимает, что человека, а, тем более, собаку – нужно бояться. У него сильный рефлекс на движение и это «чудовище» бодро пристраивается за нами, следом!

– Стойте! – оборачивается назад Александр, – Он за нами бежит!

– Ну! – соглашается Андрей.

– И что с ним делать?! – озадачиваюсь я.

– Кыш! – цыкает на лисёнка, Александр, – Иди отсюда!

Но для лисёнка, наши цыканья ничего не значат.

– Блин!

И мы шагаем обратно. Хорошо, что рядом! Александр насильно запикивает лисёнка в его нору, и мы торопливо рысим прочь, вверх по днищу распадка...

– Ну, что? Не видно?

– Нет! Не видно!

– Вроде, оторвались.

Но впереди, Люська уже снова заливается игривым лаем: «Гав-гав! Гав-гав!». Через пятьдесят шагов по распадку, мы натываемся ещё на двух лисят!

– Чёрт бы вас побрал! – матерится Александр, – Люська, нельзя! Пошли, говорю!

Эти лисята – очень «разнокалиберные». Старший размером с небольшую собачку, а его брат – раза в два мельче. Старший лисёнок уже всё понимает – он забился под валёжину, шипит и фыркает оттуда, наносящуюся вокруг с радостным лаем, Люську.

– Гав! Гав-гав!

– Чиф! Фыр!

Его «фырки» приводят нашу собачку в состояние восторга.

– Гав-гав! Гав-гав-гав!

– Нельзя, говорю!!! – кричит на собаку, Александр.

И весёлая, длинношёрстная, жёлтая «лисица» Люська, нехотя подчиняется своему хозяину...

А, младший лисёнок – ещё совсем глупый, для него «все люди – братья»!..

Двадцать шестое мая. Втроём, с Александром и Андреем, мы выдвигаемся в кальдеру вулкана Головнина. Здесь будет база одного из четырёх отрядов лесоустроителей. По пологому внешнему склону кальдеры, мы шагаем по колеям дороги, всё выше и выше. Кругом склоны, покрытые бамбуком и одиночными, корявыми елями...

Ближе к гребню появляются заросли ольховника. Вот! Ниже по склону, метрах в тридцати от дороги, среди тёмно-зелёного моря ольховника, розовым облачком выделяются какие-то кусты! Я останавливаюсь на дороге и бросаю на них пристальный взгляд, из-под своего рюкзака.

– Ух, ты! Это – вишня!

Мы идём тяжело грузёные, под рюкзаками. У меня нет сил заниматься сбором гербария. Сегодня – просто перебазировка, просто транспортный день...

Вот и гребень. Мы выходим на ровный пятак.

- О! Какая смотровая площадка!
- Ага! Всё вокруг видно!
- Вся кальдера! И не только...
- Перекур!

Мы опускаемся на ковёр низкой травы и высвобождаемся из тугих объятий своих рюкзаков. Пять минут заслуженного отдыха... С этого места открывается шикарный вид! Вся обширная котловина кальдеры перед глазами! После вулкана Тятя, это – наверняка, самое красочное место Кунашира.

Внутренние склоны кальдеры зеленеют бамбуковыми березняками. Прямо напротив нас, через противоположный гребень котловины, с северо-востока, широкой тёмной полосой вовнутрь переваливает сомкнутый массив хвойного леса. На днище грандиозного котла кальдеры возвышаются две островерхие сопки – центральные купола. Огибая их с севера, широкой синей подковой простирается спокойное зеркало озера Горячее. С нашей стороны куполов, в белеющей потёками известковой породы воронке, парит небольшое кратерное озеро Кипящее.

Сегодня стоит чудесная погода. И дальше, на запад, за кальдерой, за тёмно-синей полосой морского пролива, возвышается цепь высоких гор Хоккайдо. Какая грандиозная панорама! Ярко-зелёные склоны кальдеры вулкана Головнина, с голубыми озёрами внутри, тёмно-синий Кунаширский пролив и всё обрамляющий, задний план из высоченных, чисто-белых, снежных гор Японии.

- Ух! – не выдерживаю я, – Красиво как!
- Ну, – кивает, всегда сдержанный Андрей Архангельский.
- Да, красиво, – соглашается Александр...
- Смотри – горы Японии полностью снегами завалены! Белые.
- Ну. Белоснежные...
- Хм! Япония! Страна восходящего солнца! – хмыкаю я, – На западе! Скажи кому...
- Ну, – кивает Воробьёв, – Для нас – там солнце заходит!
- Если они – страна восходящего солнца, тогда мы – кто?!
- Скорее, это мы – страна восходящего солнца.
- Смотря для кого! – из-за наших спин раздаётся голос рассудительного Андрея, – Для китайцев и для всей другой Азии, они – действительно страна восходящего солнца.

Через пять минут, мы снова влезает в ляжки своих рюкзаков, поднимаемся на ноги и начинаем спускаться по тропе, в кальдеру...

По мере спуска бамбуковый березняк постепенно заполняется высокими кустами кедрового стланика. Сплошной покров бамбука замещается зарослями багульника. Как ни крути – это уже подгольцовый пояс растительности...

– Чудо кальдеры вулкана Головнина! – улыбаюсь я и окликаю идущего передо мной, Воробьёва, – Саш! Знаешь, в чём настоящее чудо кальдеры вулкана Головнина?

– Ясно, блин! Такие виды – даже на Кунашире редкость! – отзывается тот, – Каждый старается сфотографировать эту красоту!

– Нет! – категорически протестую я, – Совсем не это! Это ботаническое чудо! Настоящее!.. Как я упал! В прошлом году! Ты представь: до этого, наша группа Магнолия исследовала высотную поясность растительности на склонах вулканов Тятя и Пик Прево, вулкана Менделеева. Закон высотного распределения растительности! По мере подъёма в горы, пояса растительности в строгом порядке сменяют друг друга. Пояс лесов сменяется поясом криволеся из кедрового и ольхового стлаников. Выше – пояс криволеся сменяется поясом гольцов...

– И что?

– Ха! Год назад мы начали спускаться в кальдеру вулкана Головнина... Заметь – спускаться! И я вижу, что по ходу нашего движения, хвойные массивы уступают место бамбуковым березнякам, которые ниже, в свою очередь, сменяются зарослями кедрового стланика и

багульника... И, наконец, мы выходим к берегам Кипящего, вообще лишённым растительности. Голая земля, один камень. Голец! Голец, в самой нижней точке рельефа! Когда, он должен быть – в самой верхней... Высотная поясность наоборот! Представляешь?! Всё – вверх ногами!

– Ха-ха-ха! – в голос ржёт, всё схватывающий на лету, Воробьёв, – Это было круто! Вся геоботаника, в твоей голове перевернулась вверх ногами!

– Ну! – тоже смеюсь я, – Это теперь, начитавшись научных трудов по вулканизму, я знаю, что распределение растительности вокруг сольфатар вулканов соответствует нормальной высотной поясности, только – не снизу вверх, а от периферии к центру.

– Ха-ха-ха!

– Вот так-то! – хмыкаю я, под рюкзаком и улыбаюсь, – От окраины к середине! Даже, если это получается, как здесь – сверху-вниз. От окраины источника, блин, к его центру...

– Теперь и я буду знать! – улыбается мне Александр, – Этот вулканический сюрприз...

Вот, уже и нос мой – забивается резким запахом сероводорода! На это, я только коротко втягиваю в себя воздух, чтобы проверить. И тут же выдыхаю обратно: «Фу!». Запах тухлых яиц в кальдере – это нормально, это обычно. Так и должно быть. В тухлом дурмане сероводорода живёт каждый, кто сюда зашёл. Я это знаю. Здесь, в кальдере – наша группа Магнолия стояла лагерем, год назад.

Кальдера действительно представляет собой гигантский котёл, на днище которого шипят газами и клокочут поля сольфатар. Его внутренности защищены от ветров высокими бортами. Газы накапливаются в котле, особенно в безветренную погоду, особенно ночью...

Тропа хорошо натоптана. Мы легко спускаемся по ней на днище котловины. Теперь нам нужно пройти по колеям зарастающей дороги с километр влево, в дальний угол кальдеры...

Пришли! Мы стоим среди молодого березняка и озираемся по сторонам. Здесь – обширная, ровная площадка, рядом с истоком речки Озёрная. Промыв, в древности, огромный распадок в глинистом склоне кальдеры, эта речка вытекает из озера Горячее на запад, в сторону Кунаширского пролива.

Первым делом – снять рюкзаки...

– Фууу!

– Пришли.

Я озираюсь по сторонам. Среди молодого березняка, рядом со мной стоит деревце. Метров пять высотой. Оно уже всю цветёт! Розовыми, яблоневыми цветками.

– Ух, ты! – восторгаюсь я, – Как цветёт!

И я, первый шаг от своего рюкзака, естественно, делаю к нему...

– Вишня сахалинская! – через минуту поясняя я живо интересующемуся ботаникой, Александру, подняв лицо от своего определителя, – Во время цветения, листочки лишь наполовину выглядывают из почек – это характерный признак вишни сахалинской! Из трёх вишен, что растут у нас, только эта начинает цвести до распускания листьев!

Я разговариваю с друзьями, уже вынимая из своего ботанического рюкзака гербарную папку...

Шаг в сторону – и вот! Низкие, в пояс высотой, кусты бересклета.

– Смотри! – удивляюсь я, – Здесь, бересклет – уже с полностью раскрытыми листьями! Ха! Он, уже цветёт!

Кустики бересклета обильно цветут! Мелкими, зелёными цветочками...

А уже, под моими ногами – вся земля устлана ковром тёмно-зелёных, кожистых, округлых листочков!

– Ах! Грушанка! – восхищаюсь я, – Сколько её, здесь! Она бутонизирует!

– Да-аа! – соглашается со мной Воробьёв, от своего рюкзака, – Здесь, в кальдере – значительно теплее.

Мы устраиваемся на ночлег: заготавливаем побольше дров, для долгого, ночного костра, с подветренной стороны натягиваем полог. Но, весна есть весна – с последними лучами заходящего солнца стремительно улетучивается тепло дня! Я натягиваю на себя всю одежду, какая только у меня есть. Но всё-равно, вскоре становится откровенно холодно. Да, ещё потягивает промозглый ветерок...

Пришла ночь. Спальных мешков, у нас, нет. А, без спальников, спать без костра – просто, невозможно! Я попробовал – зубы начинают лязгать громко и неудержимо... Периодически просыпаясь от огнём обжигающего холода, мы всю ночь поддерживаем наш костёр. Кажется, эта ночь не кончится никогда...

Наконец, первые лучи, перевалившего через восточный гребень кальдеры, солнца золотят верхушки окружающих нас берёзок! Появившиеся неведь откуда, лесостроители приступают к обустройству лагеря. Как трудолюбивые муравьи, они тащат по березняку оставшиеся от старых построек полугнилые брусья и сооружают из них основания для больших брезентовых палаток...

А я? Я – охотник за растениями.

– Так! – я окидываю заинтересованным взглядом закрытые лиственным лесом склоны кальдеры, – Я использую сегодняшний день для обследования окрестностей!

Сегодня, я попробую выглянуть из кальдеры на охотское побережье острова. Александр говорит, что туда ведёт хорошая тропа, проложенная по противоположной стороне распадка Озёрной.

Сбор гербария заповедника – всего лишь одна из моих обязанностей. Ещё, я должен выявлять и картировать места произрастания редких видов растений. А, ещё – я фиксирую даты фенологического развития всяких трав, кустарников и деревьев. А, самое главное – я должен пополнять и пополнять списки растений, растущих на территории заповедника. А, это значит, что мне нужно ходить, ходить и ходить. «Волка ноги кормят» – эта поговорка обо мне.

Речка Озёрная, вытекающая из озера Горячее в сторону Охотского моря, своим распадком прорезает западный борт кальдеры. Заброшенная и заросшая бамбуком, по средней части северного склона распадка, вьётся старая тропа. Склоны распадка, на всём своём протяжении, покрыты смешанным, пихтово-берёзовым лесом. Высоченный, плотный подлесок из курильского бамбука, здесь – практически, повсеместен! Очень часто встречаются деревья широколиственных пород. Особенно част дуб монгольский. Мне, часто, не очень понятно, какой лес стоит вокруг меня – то ли бамбуковый березняк, то ли бамбуковый дубняк. То здесь, то там, видны чёрные, ребристые стволы калопанаксов! Это дерево с листьями клёна – из легендарного семейства аралиевых, родной брат элеутерококка, аралий, женьшеня...

Насыщенность кальдеры ботанической экзотикой поражает всякое воображение!

– Ботанический сад! – в восторге, качаю я головой, – Это – просто, огромный ботанический сад! Коллекция всевозможных деревьев и кустарников...

Каждое утро, меня будит резкий запах сероводорода. Каждое утро! Этот запах становится особенно резким к утру, накапливаясь на днище гигантского котла кальдеры в течение безветренной ночи.

– Фу!.. Просыпаться от запаха тухлых яиц в нос! – раздражённо думаю я, вяло и сонно выбираясь из огромной брезентовой палатки лесостроителей, – Это круто!

Вокруг – раннее утро. В бездонном, синем небе уже сверкает ослепительный шар солнца. Трава, кругом – густо серебрится белым инеем. Желая стопроцентно убедиться в этом, я приседаю и трогаю пальцами травинки, сплошь покрытые белыми кристалликами льда: «Блин, точно иней!.. Ночной заморозок! Да, ещё какой!.. Удивительно!». И поражаюсь ещё больше: «Сегодня уже двадцать восьмое мая!».

Я торопливо одеваюсь в рабочую одежду и делаю шаг от палаток, под кроны берёз окружающего леса. Шаг – и листья наполовину скрывают меня, второй шаг – и меня вообще нет...

– Сегодня отправлюсь вдоль берега Горячего! – решаю я, – Дальше – видно будет. Смысл моего петляния по лесам один – это ботаническая разведка...

На озёрной террасе моё внимание привлекают молодые, по пояс высотой, всходы гречихи, листья которой бесформенными тряпочками висят вниз, словно обваренные.

– Не понял! – хмурюсь я, – Горец сахалинский. Что, с ним, такое?

Подойдя вплотную, я внимательно осматриваю растения...

– Да, ведь, они обморожены! – вспоминаю я утреннюю, всю белую от инея, траву.

Я оглядываюсь вокруг. Куда ни взглянуть – всюду видны обмороженные, повислые верхушки гречихи!

– Блин! И красоднев тоже!

Заморозок прихватил и большинство «кустов» красоднева! Я трогаю пальцами его, словно обваренные, узкие листья...

Через несколько минут хода, я нахожу обмороженные всходы чемерицы!

– Чемерица?! Как, такое, может быть?! – изумляюсь я, стоя по пояс в бамбуке, перед тёмно-зелёной куртиной её всходов, – Уж, чемерица – она мороза вообще не боится! Её всходы появляются из-под снега, на проталинах – первыми!

Но, стоило первым лучам солнца коснуться травы – как белый иней на листьях превратился в обильную росу. Всё стало мокро, вокруг! Я шагаю по лопухам и бамбуку и недовольно кошусь на свои мокрые руки и мокрые брюки... А завядшие верхушки гречихи мгновенно затушевались весенним буйством прочей зелени.

– Ци-ци-цу-ици! Ци-ци-цу-ици-ци-ци-цу-ици! – в небе, бесконечными трелями стрекочут, заливаются жаворонки.

– Вот, тебе и всё! – думаю я, оглядываясь вокруг, – Весна – есть весна!..

Ближе к вечеру, в самом дальнем от моря углу кальдеры, на песчаном пляже озёрного берега, я озадаченно стою перед таким стопроцентным обитателем морских берегов, как морской подорожник.

– Подорожник камчатский! – приседаю я на корточки, перед розеткой густо опушённых листьев, – Как это понимать?! Где морской берег, а где ты!

Я распрямляюсь и смотрю вокруг, на склоны гигантского котла кальдеры...

– Тебя, сюда – можно только занести! – качаю я головой.

– А, почему бы и нет?! – пожимаю я плечами, через несколько минут, – Говорят, что в довоенные времена, на берегах озера Кипящее люди собирали серу. А, сразу после войны, на месте где мы сейчас стоим лагерем, много лет стояла наша пограничная застава. Над Озёрной была дорога к морю. Значит, там было активное транспортное сообщение. Повозки, лошади, телеги... Так что, занос сюда семян морских растений под подковами лошадей, да и самих растений морского подорожника, с морским песком для строительства – это самая простая версия.

– Хм! – хмыкаю я, уже другими глазами оглядывая днище кальдеры, высокие борта этого котла, просторную гладь озера Горячее, – Ничего уже нет! Ни японских фанз, ни строений советской заставы, ни лошадей, ни телег, ни самой дороги... Людей! Блин, людей уже нет! Полное безлюдье! Всё кануло в прошлое... И только морской подорожник растёт в глубине острова, куда он, сам – никак забраться не может...

Прошло всего несколько дней с момента нашего появления в кальдере – и вот! Деревья вишни, стоят – все в цвету! Поодиночке разбросанные по внутренним склонам кальдеры, они стоят большими, бледно-розовыми шарами, на фоне бледной зелени сплошного ковра бамбука...

Я стою на днище кальдеры и рассматриваю их в свой восьмикратный бинокль...

– Красиво! – тихо восторгаюсь я, и снова качаю головой, – Ах, как красиво!

На днище посредине кальдеры возвышаются две сопки, высотой метров сто пятьдесят каждая. Это купола. Я стою у их подножия, рядом с котловиной озера «Кипящее». Сегодня мне нужно подняться на вершину ближайшего к озеру купола. Я не спешу. Я, в бинокль, осматриваю склон купола...

Днище кальдеры и нижнюю половину купола покрывают сплошные, низкие заросли багульника. Не того, о котором поют в песне: «Где-то на сопках багульник цветёт, кедры вонзаются в небо». В той песне поётся о рододендроне сихотинском, который растёт по сопкам Приморья. Я сам видел, как он цветёт, розовыми цветами. Красиво! Там, в народе, его называют багульником. Но наш, настоящий багульник, по определителю растений называется «багульник болотный»... В реальности – это пружинистый ковёр грубых, корявых веточек, высотой не выше колена, с брусничкообразными листьями сантиметровой пять длиной, на вершинках.

Верхняя часть купола представляет собой россыпь, из которой кое-где выглядывают серые глыбы древней лавы. На самой вершине купола я вижу маленькие, на таком расстоянии, кустики кедрового стланика.

Вложив бинокль в футляр и внимательно присматриваясь к низкому ковру багульника вокруг себя, я начинаю, не спеша подниматься по склону, всё выше и выше...

Вот и шлаковая россыпь начинается. Значит, половина склона уже пройдена. Неожиданно, из-под моего туристического ботинка, из ковра шикши, на свет божий выворачивается толстая, чёрная головёшка!

– Хм! – озадачиваюсь я. – Головёшка!

Я приседаю на корточки и внимательно рассматриваю её. Это – обугленный кусок сука кедрового стланика, сантиметров пять толщиной. С каждым моим следующим шагом вверх по склону, таких головёшек становится всё больше...

– Ого! – наконец, осеняет меня правильная мысль, – Здесь был пожар!

Головёшки уже поросли мягким, зелёным ковром шикши – значит, пожар бушевал здесь много лет назад. И горели, здесь – заросли кедрового стланика.

– Склоны этих куполов, раньше, были покрыты кедровым стлаником! – наконец, оформляется умная мысль у меня в голове, – А, я – второй год ломаю голову, выискивая строгий порядок в распределении растительности в кальдере! Какие, блин, закономерности?! Здесь всё сметено огненным ураганом! После пожара здесь царит хаос!

Я отыскиваю укромное местечко на вершине купола и в раздумье опускаюсь на ковёр шикши. Он – сантиметров десять толщиной, но такой густой и мягкий! От постоянно тянущего прохладного ветерка, со спины – меня прикрывает низкий и плотный куст кедрового стланика...

– Что-то, здесь, не так! – прислушиваюсь я, к себе, – Действительность не соответствует тому, «чему учили»! Обычно, чем выше в гору – тем ниже температура воздуха. Поэтому, логично, что весна продвигается снизу вверх по склону. А, сейчас – всё наоборот! У подножия купола, у багульника не было ни одного бутона! В средней части склона наблюдается массовая бутонизация и появляются первые цветки. А сейчас, на вершине купола, вокруг меня – всё бело от цветков! Как, всё это, понимать?!

Через несколько минут память опять возвращает меня в сегодняшнее утро. Перед глазами снова стоит белая от инея, трава...

– А что?! – пожимаю я, плечами, – Эту странность в фенологии кальдеры можно объяснить только одним – весенними заморозками! Ночами и особенно в тихие, предутренние часы, холодный воздух скапливается на днище гигантского котла кальдеры. Холодные ночи!.. А, вершины куполов находятся на одном уровне с бортами кальдеры и остаются недостижимыми для ночного холода. Конечно здесь, в дневные часы, тепло солнечных лучей сдувает ветерок, но, зато, и ночами не бывает чересчур холодно!

Я сижу на мягком, зелёном ковре шикши, на гребне купола и смотрю вниз. Я рассматриваю подкову озера Горячее, раскинувшегося вокруг моей сопки.

– Хм! – хмыкаю я, – Бирюзовое озеро!

Озерцо такого цвета есть в кальдере Крашенинникова, в средней части острова Симушир. Мне, Капустьян о нём рассказывал. Они туда с Грабковым, вдвоём ходили...

Бирюза... Знаете, какой это цвет? Дымчато-зеленоватый. Синий, забелённый белой дымкой... Ветерок покрывает обширную подкову водного зеркала озера мелкой рябью. Эта водная гладь так причудливо раскрашена! Середина озера – тёмно-синяя. Отступя от берегов метров на двадцать, разбросаны обширные пятна от голубого, зелёного до почти белого цвета. Целая мозаика пятен разноцветной воды!

Я долго-долго смотрю вниз, на водную гладь озера. Она так притягивает взгляд...

Но нужно идти. Я нехотя поднимаюсь и шагаю по гребню купола, в обратную сторону. Я выхожу на южный склон купола. Окончание его снесено воронкой кратерного озера Кипящее. Я потихоньку спускаюсь к озеру...

Здесь, чистые россыпи вулканического шлака чередуются с невысокими кустиками кедрового стланика...

– О! Рододендрон Чоноски! – радостно улыбаюсь я, невзрачным кустикам, – Здравствуй!

Легендарный рододендрон! Первая категория редкости! В нашей стране, он растёт только на Кунашире. А, на Кунашире, он растёт – только здесь! Самая настоящая ботаническая редкость! Экзотика...

Основной ареал этого рододендрона находится в горах Японии. А, назван он – в честь японца Чоноски. Когда-то, русский ботаник Максимович работал в Японии. Целых четыре года! Он не имел права перемещения по Японии и образцы местной флоры ему приносили местные жители. Японец Чоноски приносил Максимовичу массу растений из горных районов Японии... В благодарность этому японцу, через много лет, уже ставший академиком и проживающий в Петербурге, Максимович назвал в честь Чоноски красивейший японский клён и вот этот, высокогорный японский рододендрон.

– Привет, рододендрон Чоноски! – разговариваю я с рододендроном, осторожно трогая его бледно-зелёные листочки, покрытые густой щетиной коротких волосков, – Максимович – таки, увековечил твоё имя, Чоноски!

Тоненькие, сильно разветвляющиеся веточки рододендрона плотно-плотно растут друг к другу. Так, что этот кустарник напоминает собой кочку, высотой по моё колено. Невзрачные, жмущиеся по россыпи вулканического шлака между валунами древней лавы, кустики этого рододендрона тяготеют к самым ветробойным участкам склона.

– В ботанике есть понятие – «подушковидная форма», – качаю я головой, – Как точно сказано! Подушка – ты и есть, рододендрон, подушка!

Весь облик этого рододендрона – яркое свидетельство приспособления к жизни в условиях высокогорных россыпей, на постоянном ветру, в снегах...

Южную часть днища кальдеры занимает обширный массив ели. Тёмной, зубчатой стеной, этот ельник резко выделяется на фоне окружающих его склонов, покрытых бледно-зелёными зарослями бамбука и багульника. Лесостроители собираются заложить в этом ельнике пробные площади, чтобы охарактеризовать этот лес. В этом и заключается их работа.

Вечером, в командирской палатке, я просматриваю конспекты прочитанных мною зимой в библиотеках Южно-Сахалинска и Владивостока, научных статей и книг по ботанике Кунашира.

– Николай! – говорю я инженеру, – Ты послушай, что писал ботаник Воробьёв, в своей книге «Растительность острова Кунашир» о ельнике, в который мы завтра пойдём!

– И что же он там писал? – поднимает свои глаза от карты, лесостроитель Клячкин.

– Это был шестьдесят второй год. Почти двадцать пять лет назад... Вот! Он пишет: «... Молодой ельник в кальдере Головнина имеет такую густоту, что без топора пройти через него невозможно!» Другого ельника, в кальдере – нет. Значит, они прорубались именно сквозь этот ельник! Каково, а? Они про-ру-бались!

– Понятно! – улыбается моей эмоциональности, инженер, – Завтра посмотрим. На то, мы – и лесостроители...

Утро. Мы, вшестером, подходим к массиву ельника...

С трудом продравшись между трёхметровыми кустышками кедрового стланика, на полтора метра затопленными густым бамбуком, переплетённым «проводами» актинидии, мы ныряем под плотную стену еловых лап и... оказываемся в совершенно другом мире! Вокруг кипит яркий, солнечный день, а здесь – стоит сумрак! Кроны елей, без просветов, заполняют всё пространство неба, над головой. Из-за чрезвычайной густоты массива, здесь, под кронами, не смогло выжить ни одно растение! Вокруг нас – только стройные стволы елей, да чистая лесная подстилка из еловой хвои. Ботаники, такие ельники называют мёртвопокровными.

Опять же, из-за такой густоты, у деревьев происходит раннее отмирание нижних ветвей. Поэтому стволы елей, до высоты добрых пятнадцати метров – стоят совершенно ровные и без сучков!..

Диаметры стволов деревьев – около двадцати пяти сантиметров. Получился участок стройного, как говорят, «строевого» леса.

– Этот чистый ельник из ели Глена, – вскоре констатирует инженер, – Дело рук человека!

– Хм! – эмоционально озадачиваюсь я, – Почему это – «человека»?

– Ты – сам посмотри! Во-первых, он – вообще без примеси! Можешь пройти, куда хочешь – деревьев других пород, здесь нет! Ни одного! В дикой природе, такого, не бывает.

– Да? – недоверчиво прищуриваю я, глаз.

– Во-вторых, массив – совершенно разновозрастной. Ты веришь в одновременное прорастание семян исключительно ели Глена, на такой обширной площади?

– Нет! – немного подумав, отрицательно качаю я головой.

– Я тоже! – улыбается мне инженер-лесостроитель, – Саня, ты посмотри кругом! Голые склоны! Нигде, на склонах кальдеры, нет вероятных семенников! Более старших деревьев ели Глена, которые осеменили бы эту площадь своими семенами. Их – не просто мало, а их нет, вообще!

– Точно! – думаю я, – Логично! Семена должны были откуда-то взяться!

Рабочие-лесостроители приступают к обработке пробной площади. У меня – другая задача...

Пока – я не очень нужен лесостроителям. И я решаю побродить по ельнику...

Ближе к центру массива, из хвойной лесной подстилки кое-где торчат пятисантиметровые трубки прелых стеблей бамбука.

– Хм! – недоумённо хмыкаю я, – Бамбук! Здесь что, рос бамбук?

– Конечно! – через минуту, снова хмыкаю я и делаю вывод, – До ельника, здесь всё было покрыто бамбуком!

А, вот – останки сучьев кедрового стланика! Эти короткие, смолистые обломки сучьев ещё долго способны выдерживать курильскую сырость. Я трогаю носком своего туристического ботинка лежащий на лесной подстилке, метровый отрезок дугой изогнутого сука: «Кедровый стланик!.. Хм! А, наш ельник – он возник не на пустом месте! До него, эту площадь занимали повсеместные в кальдере, заросли кедрового стланика и бамбука!».

С этой новостью, я возвращаюсь к инженеру.

– Хм! – совсем как я, хмыкает тот в ответ, – Тем более! Массовое возобновление ели на площади, плотно заросшей бамбуком и кедровым стлаником! Такое вообще нереально!

Каждому лесоводу известно, что заросли бамбука делают практически невозможным возобновление хвойных! А, здесь – чистый ельник и таким обширным массивом.

– Понятно! – киваю я, – Конечно, люди посадили! Что тут думать?!

Под завершение, чтобы инструментально снять характеристики древостоя, рабочие спиливают несколько модельных деревьев. Я сижу у свежего пня с карандашом в руке.

– Десять, пятнадцать, двадцать... – я считаю годовые кольца на спиле, количество колец – это количество лет.

– Девяносто три года! – делаю я заключение.

На спиле так наглядно виден мизерный прирост в первые сорок лет жизни!

– Ясно дело! – прикидываю я, – Это период – когда, из-за густоты насаждения, деревца боролись между собой за каждый глоток света.

Зато, какой мощный прирост толщины ствола, в последние сорок пять лет!

– Александр! – ко мне подходит инженер, – Что сидишь?

– Удивительно! – я поднимаю на него лицо, – На спиле видна вся жизнь дерева! В какие годы ему было плохо, а когда стало хорошо! Вот, смотри! Вон, какие тонкие кольца в молодости! А потом...

– Хм! Так оно и есть! – кивает лесоустроитель и улыбается мне, своими опытными глазами, – Заметил? Ты рассуждаешь о жизни дерева!.. Это хорошо.

– Я?! – артачусь я.

– Ничего, Саша. Скоро ты поймёшь, что они, – инженер хлопает по стволу стоящей рядом, ели, – Действительно живые!

Я сижу у пня и провожаю, удивлённым взглядом, спину уже шагающего к рабочим, лесовода...

Новый день. Лесоустроители ставят очередную пробную площадку, на этот раз – в молодом, бамбуковом березняке. Я, естественно, с ними...

Никак не могу привыкнуть к «деревянному» возрасту! Рабочие срубили очередную «модель». Это – берёзка. Длинная жердь, диаметром тринадцать сантиметров. Я только что закончил считать её годовые кольца.

– Хм! – изумлённо хмыкаю я, – Шестьдесят!

Мне, самому – через два месяца будет двадцать шесть лет. Жердь диаметром тринадцать сантиметров, более чем вдвое старше меня! Как мне, к этому, относиться?!

А вот, пришло и моё время! Вот, для чего, я придан лесоустроителям! На этой пробной площадке совместно произрастают два вида берёзы. Вообще-то, они хорошо различаются, по листьям. Но, поди – попробуй выяснить, какая это берёза, когда ближайшие берёзовые листья шелестят над тобой на высоте добрых четырнадцати метров! Как, в этих условиях, проводить таксацию?!

Однако, я дьявольски находчив! Для определения древесной породы я пользуюсь... биноклем! Так мы и работаем, в паре – я, в бинокль, рассматриваю листья в берёзовой кроне, высоко в небесах и кричу инженеру, который стоит с таксационной ведомостью в руках: «Берёза плосколистная!». Таксатор замеряет своей мерной вилкой диаметр ствола этой берёзы и кричит, следом за мной: «Шестнадцать!». Так и работаем...

– Берёза каменная! – кричу я.

– Четырнадцать! – вторит мне таксатор.

– Берёза плосколистная! – кричу я.

– Шестнадцать! – вторит таксатор.

– Берёза каменная!

– Четырнадцать!

По лесу несутся наши парные крики...

Странная, надо сказать, картина. О такой таксации я никогда не читал в учебниках и не встречал, такую, на практике...

Июнь! Второго июня, я неожиданно замечаю, что лес, как-то разом, покрылся листвой! Ветви берёз, с полностью распустившимися листьями, по-летнему полощутся по ветру. Буквально на глазах, раскрываются, поднимаются вверх всходы высокотравья!

Вечером, в командирской палатке лесостроителей, я закладываю в гербарные рамки собранные за день растения. Инженеры стоят, склонившись над разостланными по длинному столу картами. Они намечают места новых пробных площадей...

Вдруг, туго натянутый брезент палатки громко загудел, густым басом!

– Гуууууууууууу!

Как ошпаренные, мы выскакиваем из замкнутого пространства палатки, наружу! Встревоженной кучкой, мы стоим среди березняка и озираемся по сторонам. Но, вокруг – никого нет! Ни одной живой души... Кроме, также выскочивших наружу из других палаток, лесостроителей.

– Гуууууууууууу! – все палатки нашего лагеря продолжают гудеть, словно шаманские бубны.

– Аааа! – наконец доходит до нас, – Трясёт!

– Землетрясение!

– Вот что, это!

– Тьфу ты, чёрт! – в сердцах плюёт начальник отряда, – А я понять не могу!

Через пару минут всё затихает. Палатки перестают гудеть. Мы, гурьбой, снова лезем обратно, каждый делать своё дело.

– А, как мы сыпанули-то! – вспоминает кто-то, – Из палатки!

– Это рефлекс, – отмахивается инженер, – Так человек, всегда реагирует. На неизвестное...

– Да! – соглашается второй, – Необъяснимое – оно первым делом вызывает панику...

Землетрясения, на Кунашире – вещь обыденная. В месяц, трясёт – по несколько раз. Каждый из нас, например, знает, что если трясёт мелко и так, словно мимо твоего дома, по улице, проезжает тяжёлый бульдозер – это четыре балла... Вот только, землетрясение в палатке сопровождается, я бы сказал «необычным побочным эффектом»...

Через несколько дней, мы отправляемся на юг острова. Там меня ждут пробные площади другого отряда лесостроителей. Ведь, у нас – чёткое распределение ролей. Лесостроители ставят пробные площади и обрабатывают древостой, а я, на их площадях, описываю кустарники и травостой. А, что? Лесостроителей и не должны интересовать травы и кустарники – им подавай производственные характеристики леса: формулу древостоя, средний диаметр ствола, высоту основных ярусов леса, запас древесины...

По тропе в бамбуке, над минеральной речкой «Озёрная», мы проходим на побережье Охотского моря. К устью Озёрной тропа выходит очень высоко по склону. И мы спускаемся на литораль моря по высокому травянистому обрыву. На валунах у морской волны разворачиваемся влево...

На полпути до мыса Ивановский мы замечаем, что в море – из воды едва выступает небольшое каменное плато. С этой плоскости, во все стороны, в воду бросаются нерпы!

– Ух, ты! – радуемся мы, – Нерпы! Нерпичье лежбище!

– Интересно!..

Через час, на краю невысокого плато мыса Ивановский, я радуюсь ботанической находке! Это – весьма необычная фиалка!

– По цветку понятно, что ты – фиалка! – я сижу на корточках перед растеньицем и разговариваю с ним, раскрывая определитель растений, – Только, вот, какая ты, фиалка? Это – вопрос...

Эта фиалка имеет совершенно не свойственный фиалкам фиолетовый, почти чёрный цветок и узкие листочки, на длинных черешках.

– Так... Фиалка маньчжурская! – объясняю я цветку, – Вот ты кто!

Я очень рад новому растению в моей коллекции... и в моей голове. У ботаника, голова – ходячий определитель, в котором удерживаются сотни и сотни названий растений и их признаков...

Тут же, розовым ковром, по невысокой скалке морской террасы, цветут первоцветы.

– О! Первоцветы Фори! Привет! – улыбаюсь я знакомцам, разглядывая малиновые полянки, – Хм! Кем же ты был, Фори? Наверняка – каким-нибудь коком или врачом на кораблях первооткрывателей Курил!

Лагерь южного отряда лесоустроителей расположен на высокой морской террасе, в километре южнее мыса Ивановский. Мы пересекаем стол мыса и выходим на поляну, среди дубняка. Здесь база лесоустроителей. В тридцати шагах дальше, водопадом метра три высотой, с террасы, на песчаный пляж моря, обрывается ручей. Отсюда и название ручья – «Водопадный». Здесь я буду работать ближайшую неделю, и жить...

Утро. В составе каравана из шести человек, я шагаю с лесоустроителями по плоскости мыса Ивановский, на север – обработать их пробную площадь, заложенную в бассейне здешней речки. Она называется «Кривоножка».

– Хм! Ну и название у тебя, речка! – хмыкаю я, – За что ж тебя, так?

Я бреду последним – на мысе, я задержался. Чтобы захватить в гербарий два экземпляра водосбора. Удивительно крупными, синими колокольцами, он цветёт по взгорку стола мыса. Кустики тёмно-зелёных, плотных листьев – всего около десяти сантиметров высотой. И ярко-синие колокольцы, величиной сантиметров восемь!

– Вот, это цветок – так, уж, цветок! – бормочу я себе под нос, торопливо упаковывая экземпляры между газетными листами гербарной папки, – Водосбор вееролистный!.. Ты – не водосбор, ты целая глоксиния!

Садоводы называют водосбор аквилегией. Точно также звучит и латинское название водосбора. Но, мне больше по душе – русское название. Водосбор! Правда, красивое имя?

Вдоль охотского побережья острова, широкой лентой вытянулись корявые, бамбуковые дубняки из дуба зубчатого. Дуб, у нас – редкий вид. Красная книга! Подлесок из плотных зарослей бамбука, здесь практически, повсеместен. Однако, бамбук не выносит переувлажнения почвы и по свободным от его зарослей, мокрым ольховникам в сырых поймах ручьёв, сейчас всё бело от колокольцев. Тройка тёмно-зелёных листьев напоминают вороний глаз. Но вместо чёрного глаза – белоснежный трёхлепестковый колоколец!

– Триллиум камчатский! Всё бело!!! Какое массовое цветение! Красиво, как! – я бросаю восхищённый взгляд вбок, вдоль ручьевого поймы и бросаюсь догонять свой отряд.

Днище распадка Кривоножки раскрывается перед нами лизихитоновым ольховником, который имеет здесь прямо-таки, классический облик. Тёмная, переувлажнённая почва, сейчас – буквально скрыта ковром белых капюшонов лизихитона! Лизихитон – родственник всем известной каллы. Только крупнее. И листья крупнее, и белый капюшон.

– Вот, это дааа! – восторгаюсь я, – Всё бело! Какой праздничный вид у ольховника! Как первомайская демонстрация трудящихся!.. Класс!

Мы гуськом, один за другим, пересекаем нарядный распадок такой праздничной Кривоножки и выбираемся на другой его склон, в пихтарник. Пихтарник – чистый! Все сто процентов окружающих нас стволов – это пихта. Инженер Андрей делает стандартную пробную площадь – это квадрат, пятьдесят на пятьдесят метров...

Чем приятно, мне, работать в хвойных массивах – так это тем, что здесь почти нет травы и нет кустарников! Если говорить проще – мне, здесь, почти нечего делать! Быстро управившись со своими делами, я лежу под пихтами, на лесной подстилке из опавшей хвои. И с чистой сове-

стью, наслаждаюсь летним лесом, жаркими лучами прорывающегося сквозь пихтовые лапы солнца, щебетом птиц...

Очередное утро. Солнце жарко искрится в безоблачном небе! Опять всем отрядом, мы уходим восточнее нашего лагеря, в бассейн речки Сенная. В этом районе, всё пространство пологих склонов покрыто бамбуковыми березняками. Лесостроители закладывают пробную площадь огромных размеров – квадрат, сто на сто метров. Целый гектар! Но иначе, в этом редкостном лесу, не набрать нужных для статистики, двести стволов лесообразующей породы.

В ботанических статьях, описывающих строение тропических лесов, пишут, что обилие лиан там так высоко, что многие деревья, не выдерживая их веса, просто-напросто ломаются. Понятно, что мы сейчас не в тропиках, а на юге Кунашира. И что передо мной – березняк, на полтора метра затопленный бамбуком. Но, насчёт лиан – замечено точно! Под весом карабкающихся вверх актинидий и гортензий, все берёзы стоят – согнутые в три погибели! Я перестаю грести по бамбуку к очередному дереву и стою, хватая ртом воздух. Вытираю рукавом мокрое лицо и смотрю на этот, буквально задушенный лианами, лес, в котором каждая берёза – как штангист, с трудом удерживающий штангу...

Новый день. Сегодня у нас новая пробная площадь. И новые удивления – для меня! Во-первых, поразительны размеры дерева вишни сахалинской! Диаметр ствола этого дерева – никак не меньше семидесяти сантиметров! Штатной мерной вилкой лесостроителей, у меня никак не получается замерить такой диаметр. Дело в том, что шкала вилки короче, чем диаметр ствола дерева! Вишни такой толщины – я в жизни не встречал...

А, ещё – два дерева бересклета! Именно «деревя»! Потому что их диаметры – двадцать и двадцать три сантиметра! И высота, у обоих – одиннадцать и одиннадцать с половиной метров. Широкие, шарообразные кроны...

– Какие же, это – кустарники?! – запрокинув голову, смотрю я в эти кроны, снизу вверх. Оба дерева бутонизируют. Страхуюсь от ошибок, я буквально обнюхиваю их соцветия...
– Са-ня!!! Эге-гей!!!

Это – меня зовут лесостроители. Раздвигая перед собой высоченные заросли бамбука, минут через пять, я подгребаю к ним. Для инструментального снятия всевозможных промеров, лесостроителям необходимо, для каждой породы деревьев, свалить модельное дерево. Дерево средней высоты и среднего диаметра ствола. И вот – «модель» срублена. Столпившись, все стоят у сваленного дерева.

– Саня! Мы, это дерево – не знаем. Это что-то из местных, – говорит инженер, – Что это?

Я тоже осматриваю «объект». Передо мной, в бамбуке, лежит дерево солидных размеров. Диаметр ствола на уровне груди – тридцать четыре сантиметра. Прямой ствол. Гладкая, крепкая, светло-серая кора. Компактная крона занимает лишь самую верхушку. Высота дерева – двадцать метров. На концах ветвей – бутоны полусформировавшихся, многоцветковых, рыхлых соцветий. Я раскрываю свой определитель...

Поражённый ответом, я вновь и вновь «прохожу» лабиринт признаков. И каждый раз упираюсь в одно – это сирень! Моё воображение рисует палисадники, с высокими кустами цветущей сирени. Кус-та-ми! Но никак не стройными деревьями, диаметром ствола в тридцать четыре сантиметра!

– Это... сирень сетчатая! – не очень уверенно, сообщаю я ждущей вокруг меня, бригаде. В ответ – красноречивое молчание.

– Ты что, Сань? – прерывает затянувшуюся паузу, один из рабочих, – Мы, хоть и не ботаники, но тоже, не мальчики!

– Ну! – вторит ему, другой, – Мы и на Амуре работали, и в Приморье. Там, знаешь какие леса?!

– Точно говорю вам – сирень! – не сдаюсь я, вцепившись в свой определитель растений, – Вот! Смотрите!

– Мы, что? Сирени не видели? – хмурится третий рабочий.

– Кстати! – вспоминает инженер Андрей, – Мы тут, у вас, дзелькву нашли! Это дерево такое, близкий родственник вяза. Ты знаешь, такое?

– Нет! – я отрицательно качаю головой.

– Вот! В списках флоры Кунашира оно вообще не указывается! А, мы – нашли! Стопроцентно дзельква! Мы её, по Приморью знаем! Мы много чего, в лицо знаем!

– А, ты нам говоришь – сирень! – говорит рабочий.

– Но, вот! – стою я, на своём, – Определитель только одно даёт! Что это – сирень!

– Ладно! – после паузы, командует народу, Андрей, – Что замерли? За работу, мать вашу!

Все расходятся, завершать обработку площади. Молча. Я тоже лезу в бамбук, на площадь. В моей душе остаётся неприятный осадок...

На самом дальнем краю площади темнеет зелёной, раскидистой кроной старый тис.

– Ка-кой тис! – прикидываю я, издалека, – Ему, наверняка, несчётное количество лет!

Раздвигая кожистые листья бамбука перед лицом, я подгребаю к дереву. Измерить диаметр ствола тиса – совершенно не понятно, чем! Стандартная, заводская мерная вилка лесоустроителей имеет шкалу шестьдесят сантиметров, она для этого тиса слишком коротка. А, мне – так хочется знать его диаметр!

– Что же делать? – озадачиваюсь я и решаю, – Измерю, пока, рулеткой длину окружности ствола, а вечером подумаю, что с этим делать...

Сегодняшняя площадь – на удивление, богата редкими растениями! Вот, уже несколько раз, в бамбуке, мне под руку попадает аризема! Это – ближайшая родственница лизихитона и каллы. На Кунашире, она – очень редкая! Почему я так думаю? Потому, что я вообще первый раз вижу это растение! А я, здесь – знаю почти всех...

А, ещё – здесь полно деревьев широколиственных пород! Особенно черёмухи...

Вот! Впереди просматривается дерево с раскидистой кроной из зонтов огромных, сложных листьев. И я прищуриваю на него свой глаз. Широкие, зелёные опахала этих листьев играют в лучах солнца, на высоте добрых десяти метров над моей головой. У этого дерева листья сучены на концах толстых ветвей. Ствол покрыт крепкой, как камень, слегка бугорчатой корой. Стоя под деревом, я долго всматриваюсь в его крону...

– Орех?! – прикидываю я, – Практически, все признаки, на лицо...

Но, что-то удерживает меня от категоричного ответа.

– Так – ничего не понять! – хмурюсь я, – Нужно бы, пальчиками потрогать.

Я подпрыгиваю и начинаю карабкаться по стволу дерева, вверх...

Метрах в пяти-шести над землёй, в средней части ствола, пальцы моих, вытянутых вверх рук натываются на что-то колючее!

– Тссс! – больно уколовшись, я отдергиваю руку и смотрю на это место.

Над головой, бугорки коры под моими пальцами, оканчиваются какими-то остриями! Я запрокидываю лицо вверх, к уже недалёкой кроне и ужасаюсь: «А, что творится выше! Всё – в огромных шипах!».

– Ёшкин ты, кот! – осенённый догадкой, я расслабленно зависаю в развилке ветвей, – Это же аралия высокая!

– Хм! Это дерево – аралия! Скажи кому – не поверит! – несутся мысли в моей ботанической голове, – Я карабкался по стволу аралии!.. Ну и что, что на юге Сахалина, это – высокий куст, до трёх метров высотой?!

В некотором замешательстве, я спускаюсь вниз...

Невероятно! Но вечером, в огромной землянке лесоустроителей, я рассчитал математическую формулу! По ней, измерив длину окружности ствола дерева, можно узнать его диаметр! Причём, в отличие от мерной вилки лесоустроителей – с точностью до сантиметра! Это потрясающе! У меня, по математике – всегда были только тройки...

По этой формуле, диаметр ствола сегодняшнего огромного тиса составляет семьдесят сантиметров.

– Так! Семьдесят сантиметров! – размышляю я, – Класс!.. А, может быть тис – ещё толще? А, интересно, какого диаметра, на Кунашире, достигает ель? А пихта? А какое дерево, на нашем острове – вообще самое толстое?

– Сколько вопросов... Теперь нужно будет измерять все толстые деревья! – решаю я...

Новый день. Утро выдаётся чудесное. Над нашими головами – бездонная синь небес и искрящееся солнце. Мы, вдвоём с инженером Андреем, отправляемся по прорубленному затёсками визиру лесоустроителей, вглубь острова. Нам нужно описать типы леса, которые пересекает этот визир. Прямо от лагеря, мы гребём на восток по бамбуковому морю, затопившему обширный массив клёна красивого. Плотный бамбук – по грудь.

– Кленовник! – окидываю я, взглядом, окружающий лес.

– Хм! – громко хмыкает на это, Андрей.

– А что? – не сдаюсь я, – Лес из ели – ельник, лес из пихты – пихтарник, лес из ивы – ивняк. Значит, лес из клёна – кленовник.

– Хм! – искрит глазами, инженер, – А если лес – из сосны?! Сосняк?

– Да! – задираюсь я, в процессе гребли по бамбуку.

– В геоботанике, Саня, не всё соответствует математической логике. Вот, лес из дуба называют не дубняком, а дубравой! А сосновый бор?!

Но, я не собираюсь сдаваться! У меня в голове – железная логика.

– Вот и плохо, что так называют! – упрямо закипаю я, – Всё должно быть по одним правилам!.. Вот, скажи мне, почему в определителе латинское название «ель иезская» соответствует русскому названию «ель иезская», а латинское «герань иезская» имеет русское название «герань хоккайдская»?! Где логика? А латинское «земляника иезская»? Почему бы её не назвать хоккайдской, как герань? Так нет же! Она по-русски называется «земляника иезская»!

– Ха-ха-ха! – искренне смеётся надо мной, инженер, – Это всё – твоя молодость! Покоя она, тебе не даёт!

Все клёны – примерно одного возраста, около двадцати четырёх сантиметров диаметром стволов...

Но, ведь, я ещё веду и фенологию! Чтобы узнать, какую фенофазу поставить клёну, я, наученный вчерашней историей с аралией, не ограничиваюсь созерцанием кленовой листвы с земли и карабкаюсь по стволу одного из клёнов вверх, в крону. Едва моя голова показывается над плоской, словно гнездо орлана, зелёной кроной клёна, как я понимаю, что уже опоздал.

– Опоздал! – громко злюсь я, с дерева, – Вот, так – всегда! Пока догадаюсь – всё! Уже поздно!

– Ха-ха-ха! – смеётся внизу, над моими эмоциями, инженер Андрей.

В фенологии клёна красивого, я все эти дни добросовестно ставил фазу распускания листьев. Кто же мог знать?! Оказывается, у этого клёна цветки имеют зелёную окраску и на фоне зелёных листьев кроны дерева абсолютно не выделяются! И вот сейчас, вокруг моего лица, всё пестрит от множества щитков полностью раскрытых зелёных цветков... Я досадливо морщусь: «Блин!.. Нужно менять все записи за предыдущие дни!».

Во второй половине дня, во всё также затопленном бамбуком лиственном лесу, мы наталкиваемся на дерево ботрокариума!

– Ботрокариум спорный! – «визжу» я под деревом, от счастья, – Высшая категория редкости! Высшая!

Ботрокариум – крайне редкое дерево! Он – ближайший родственник той самой свидины, что в массе создаёт зелёные бордюры на улицах наших городов. Я подпрыгиваю вдоль ствола и вцепляюсь руками в нижнюю ветку.

– Ты куда?! – изумляется инженер.

– На дерево! – бурчу я и карабкаюсь по стволу вверх, в крону ботрокариума, – Теперь уж – меня не проведёшь!

И – не зря! Здесь, всё покрыто щитками бутонов!

– Ну как? – искрит глазами Андрей, снизу-вверх, – Не опоздал?

– Вот-вот зацветёт! – громко говорю я ему, сверху, – А, снизу – даже не заподозришь!

– Интересная у тебя, Сань, работа! Цветочки, лютики! – смеётся надо мной инженер, –

А у нас – высота древостоя, таксация, запас древесины... Одно грубое производство!

Сидя в плоской кроне ботрокариума, я оглядываюсь вокруг, на кроны других деревьев. С этого уровня я вижу, что кругом цветут многие деревья! Всё цветёт!.. От деревьев не отстают и кустарники.

– А что? – я пожимаю, на это, плечами, – На дворе – уже начало лета!

Уже сегодня, я воплощаю своё вчерашнее решение в жизнь – кроме всех прочих своих забот, я ещё и вычисляю диаметры стволов. Диаметр ствола самого толстого, за сегодняшний день, ботрокариума равен тридцати сантиметрам...

Всё в том же лесном море, у какого-то ручья, нам встретился толстенный тис. Диаметр его ствола – семьдесят шесть сантиметров!..

Вечером, на широком тетрадном листе в клетку, я построил диаграмму. Теперь, сюда, я буду заносить все диаметры стволов, измеренных за день деревьев, по породам...

Вот и неделя пролетела! Пришло время моего возвращения в кальдеру вулкана Головинина. Опять вереницей, под рюкзаками, мы шагаем по скалистому побережью. Нам нужно добраться до устья минеральной речки «Озерная»...

– Саня! – предлагает мне лесник с Алёхино, Андрей Терновой, – Сейчас – отлив. Давай пройдем на лежбище! На нерп посмотрим.

– А что? – загораюсь я, – Давай!

Мы оставляем свои рюкзаки на гальке морского берега, под скалами и по колено в воде, бредём по мели, к нерпичьему плато. Дно выложено плоскими плитами скал. Здесь – близко!..

Добрались! Естественно, все нерпы – уже давно соскользнули в воду! Их блестящие от воды, круглые головы высунулись на поверхность со всех сторон!

– Фу! Фу! – коротко фыркают они, прочищая ноздри.

– Как мокрые арбузы! – смеюсь я, рассматривая нерп, – И не боятся же!

– Они – в воде! – улыбается Терновой, – В воде они уверенные, не боятся.

Мы осторожно бродим по плоским плитам нерпичьей залёжки...

Превышение плит над уровнем воды – совсем мизерное! Сантиметров двадцать. Кругом, в углублениях каменных плит, стоят лужицы мочи.

– Ну и запах! – я удивлённо морщу нос, – Воняет, как в сарае! В коровнике!

– Ха! А, ты что хотел? – смеётся Андрей.

– Я? Здесь же – море! – развожу я руками, – Я... думал, что у нерп – всегда чисто. Что они в воде испражняются.

– А, на лежбищах морских котиков? – спрашивает Терновой, – Думаешь, чтобы нужду справлять – каждый котик, с пляжа, в море отплывает?! Это же животные! Там, где скопление животных – там, всегда, как в сарае!

Андрей Терновой – бывший метеоролог, до заповедника он работал на какой-то дальней метеостанции.

– Всё-равно! – упрямо не сдаюсь, я.

Этот запах скотского сарая – главное впечатление, какое я вынес, из посещения нерпичьего лежбища.

Почти по колено в тёплой морской водичке, мы возвращаемся к своим рюкзакам...

И уже скоро, с огромных валунов моря, мы карабкаемся по крутому, травяному склону над устьем Озёрной, к началу тропы в кальдере. На середине обрыва, прямо перед моим лицом, в густом разнотравье голубеют цветки герани!

– Ой! – радуюсь я, своей старой подруге, – Герань пушистоцветковая! Зацвела!

Здесь же, в мешанине стебельков зелёной травы, белеют колокольчики нашего, дальневосточного ландыша.

– Ландыш! – улыбаюсь я, – Привет!.. Уже цветёшь!..

С высоты тропы над Озёрной, мне бросаются в глаза разительные перемены в растительном мире её распадка! Теплолюбивые деревья и кустарники, наконец, ожили! Калопанакс выпустил из почек, пока ещё небольшие, свои клёноподобные листья. Листья магнолий, в длину – уже достигают двадцати сантиметров! А, так распространённый здесь, дуб монгольский – почти полностью раскрыл свои листья! Обильно цветёт калина вильчатая. На площадях, свободных от бамбука, она образует густой и высокий подлесок...

– В закрытом от ветров распадке Озёрки, развитие растительности – не менее, чем на неделю опережает открытые прохладному весеннему ветерку, пространства юга острова! – прикидываю я, стоя на тропе, напополам режущей по горизонтали северный склон распадка, – Здесь всё уже распустилось!..

Скоро, в маленькое оконце в густой листве дубов, моему взгляду с тропы открывается спокойное водное зеркало Горячего, кальдерные купола.

– Вот и кальдера! – радостно сообщаю я своему спутнику.

А, вот – и резкий запах сероводорода, в нос!

– Фу! – морщусь я, шагая под рюкзаком по тропе, – Как экзотично!.. Все лесные запахи перебивает!

– Кальдера! – шагая впереди, только разводит руками в ответ, Терновой...

Утро. Как всегда, я ухожу на маршрут. Я вновь в свободной охоте. Сегодня, меня интересует распадок Озёрной. В устье речушки, я перехожу по шатким жёрдочкам, изображающим мосток, на противоположный берег. Два шага по тропе – и высокий бамбук, практически, скрывает меня! Стена его шуршащих, кожистых листьев – на уровне моих глаз...

Вот. Я «проплыл» метров шестьсот по тропе над Озёрной. Теперь – я хочу перебраться на противоположный склон распадка. Для этого нужно спуститься на его днище. Я схожу с тропы и долго сваливаю по довольно крутому, бамбуковому склону, в речку...

Всё! Внизу речка. Дернина заканчивается метрах в полутора от днища узкого, глиняного каньона. По мокрому откосу, я соскальзываю прямо в речку. Метр шириной. Я стою, в своих туристических ботинках, по колена в бурлящей, голубой воде. Прямо у моего лица, на сочащейся влагой и поросшей ковром зелёного мха метровой отвесной скалке, красуется камнеломка.

– Хм! Камнеломка!.. – хмыкаю я.

– По Сахалину мне знакома камнеломка сахалинская! – прищуриваю я, глаз, – С продолговатыми, цельными листьями. На Тяте была обычна камнеломка почколистная, с округлыми, крупнозубчатыми листьями. Но, эта!.. У этой, листья – глубоко лопастные, напоминают листья клёна. Только нежные, тоненькие больно.

Продолжая стоять прямо в тёплой воде речки (ступить больше некуда), я снимаю с плеч свой ботанический рюкзачок и достаю определитель...

– Хм! Это – камнеломка Форчуна! – радуюсь я и тут же озадачиваюсь, – Второе слово названия растения пишется с большой буквы. Значит, это не просто «фортуна», типа «удача», а это – фамилия. Эта камнеломка названа в честь какого-то Форчуна! Интере-есно!.. Кто этот Форчун?

Я встречаю эту камнеломку впервые. Это значит одно: на Кунашире – это очень редкое растение.

Из Озёрной, по крутому склону, я долго и трудно выбираюсь вверх по заросшему листовым лесом, противоположному склону её распадка...

Всё! Метрах в пятидесяти выше по склону надо мной нависает тёмная стена пихтарника. Густой и высокий, в рост человека, подрост пихты не позволяет мне видеть, что делается впереди. Видимость, практически, отсутствует! Мне становится тревожно на душе. И я разворачиваюсь вправо, вдоль стены хвойника, вдоль склона распадка...

– Ах, какой запах! – я носом втягиваю воздух, – Так сильно пахнет ландышем!

Но, ландыша, я нигде не замечаю! И озадачиваюсь: «Что же, тогда, так сильно пахнет?!». Я начинаю, с интересом озираться вокруг, в поисках источника запаха...

И далеко ходить, мне – не приходится! Под моими ногами и выше по склону – сплошной ковёр кустарничка, с кожистыми, вечнозелёными, «рододендроновыми» листьями. И весь этот ковёр сплошь покрыт щитками соцветий мелких, белых цветков!

– Скиммия ползучая?! – узнаю я кустарничек и удивляюсь, – Скиммия! Никогда не думал, что ты так потрясающе пахнешь!

Оба моих предыдущих полевых сезона на Кунашире, мы встречались со скиммией осенью. А, сейчас! От цветков этого кустарничка – всё бело вокруг! Мелкие, белые цветки скиммии собраны в щитки соцветий. Весь воздух наполнен густым ароматом этих цветков! Так похожим на запах ландыша.

– Ах, какой аромат! – снова восхищаюсь я.

– Шшшшш! Аааааа! – длинно вдыхаю и выдыхаю я, воздух.

Я не дышу этим воздухом – я пью этот густой, ландышевый аромат! За сегодняшний день – это самый приятный сюрприз.

– Хм! – улыбаясь, я смотрю себе под ноги, – Тридцать сантиметров от земли! Ближайший родственник бархата! Надо же! У такого крупного дерева – и такой мелкий родственник!

Одновременно с белыми хлопьями соцветий, многие веточки скиммии украшены яркими, алыми ягодками.

– Хм! Ягоды прошлогоднего урожая! – улыбаюсь я, – Это мы уже проходили! Как у падуба!

Я вынимаю из ножен свой огромный тесак и срезаю две веточки скиммии, для гербария. Теперь – нужно аккуратно расправить листочки между листами газетной бумаги. Усидчивости мне, не занимать...

Я шагаю по краю пихтарника дальше, всё-также вдоль распадка, и стараюсь вдохнуть поглубже этот ароматный воздух.

– Шшшшш! Аааааа! Ах, какой запах!

Мой взгляд скользит по стволам деревьев, листьям кустарников, стеблям трав... Одновременно с этим, работает мой «ходячий определитель»: «Падуб морщинистый... вчера заложил; подмаренник северный... попозже возьму, сейчас ещё рано; вишня сахалинская... уже есть в гербарии; калина вильчатая... уже есть; берёза Эрмана, она же – берёза каменная... сейчас – рано, попозже возьму; малина сахалинская... ещё не цветёт, попозже возьму». Такая уж работа, у охотника за растениями...

Чуть ниже и впереди по склону, просматривается тело старого оползня. Мой натренированный глаз «прилипает» к тёмно-зелёной куртине, вроде бы ничем не приметных, деревьев. И тут мой, заикленный на определении растений, «ходячий определитель» даёт сбой!

– Это, ещё, что такое?! – хмурюсь я, сворачивая к деревьям.

Деревца – молодые. Стволик самого старшего – диаметром около восьми сантиметров. Высота куртины не превышает четырёх метров. Деревца ещё не плодоносят. Общим видом, они напоминают вишню. Кора стволиков тёмно-зелёная, живая, как у ольхи курчавой. А, листья... листья берёзовые! Они грубые, крупные, свисают с ветвей вниз, с сердцевидным основанием листовой пластинки...

– Бог ты мой! – восторгаюсь я, – Это же берёза Максимовича! Высшая категория редкости! Какая удача!

Берёза Максимовича, в нашей стране, встречается только на юге Кунашира. Эта берёза имеет высшую категорию редкости. И не только в нашей Красной книге, но и в международной – тоже!

– Какая находка! – радостный, я торопливо сдёргиваю с плеч свой ботанический рюкзачок.

Притрагиваясь к веточкам, я обхожу всю куртину.

– Да! Сомнений нет! Это – берёза Максимовича!

Я выдёргиваю из ножен тесак и после долгого выбора, срезаю две верхушки веток, для гербария. Приседаю на корточки, развязываю гербарную папку и аккуратно расправляю берёзовые листочки между листами газет.

– Сегодня – счастливый день! – радуюсь я.

Всё! Дело сделано. Я забрасываю рюкзачок за плечи. Дальше, по моему курсу – сплошная стена хвойного леса. Я, туда – не хочу. Тревога заставляет меня заворачивать маршрут, и в конце-концов, я спускаюсь прямо вниз по склону, обратно в речку. Всё-таки, шляться по лесам в-о-диночку – тревожно это, беспокойно на душе...

Подо мной – Озёрная. Здесь – глинистый грунт. И бурливая речка промыла в нём глубокий каньон. Я съезжаю по скользкой глине прямо в тёплую, бурлящую воду и с трудом выбираюсь из скользкого, глубокого, глинистого оврага Озёрной...

В нижней части крутого склона, я неожиданно выбираюсь в заросли кустарника! Этот кустарник – такой высокий, что человеку, под ним, можно шагать не пригибаясь.

– Калина вильчатая! – громко разговариваю я, сам с собой.

Я шагаю между кустами, словно по аллее парка. Белые лепестки калины – уже массово опадают. Белым снегом, они сплошь покрывают почву, вокруг!

– Вот, это, даааа! Всё бело вокруг! – с удивлением озираясь по сторонам, я бреду по этому парку, как в сказке, – Лепестковая зима! Никогда, такого, не видел...

Но мне нужно подняться выше по склону – там идёт наша тропа, что вьётся над Озёрной. Я снова разворачиваюсь вверх по склону и вхожу в высоченные и густые заросли бамбука. Мало того, что здесь очень трудно лезть «против шерсти», но – и не видно ничего! Кругом, всё затоплено высоким бамбуком! У меня становится нехорошо, на душе. Тревога, колокольчиками звенит в голове и я, наконец выбравшись на тропу, категорично разворачиваюсь по ней в сторону кальдеры, к лагерю...

День клонится к вечеру. Я – в лагере...

С каждым днём побеги высокотравья становятся всё выше и выше. И я, наконец, озадачиваюсь мыслью: «А, как быстро они растут? Например, за сутки – они насколько вырастают?». На реализацию идей – я скор. Тут же, вблизи нашего лагеря, я делаю зарубку на стволе деревца ивы.

– Это – сегодняшняя высота аралии сердцевидной, – прицениваюсь я, к зарубке, – Посмотрим, как быстро, она растёт!

В отличие от аралии высокой, этот вид аралии – травянистый. Каждую весну, проклюнувшись из толстого корневища, мощные побеги этого растения тянутся к солнцу, достигая двух метров в высоту...

На несколько дней, мне нужно выбраться из кальдеры вулкана Головнина на кордон на мысе Четвериков. Я шагаю по тропе, по внутреннему склону кальдеры...

Подъём довольно крутой. Примерно на середине склона я делаю перекур. Тяжело дыша, я оборачиваюсь назад и окидываю взглядом уже открывающийся в полной красоте гигантский котёл кальдеры. Сейчас, здесь – всё, словно белым снегом, припорошено. Купола, да и всё днище кальдеры – стоят белые-белые! Оказывается, так цветёт багульник.

– Багульник! – изумлённо качаю я головой, – Белые сопки! Никогда такого не видел!..

Перевалив через гребень, я начинаю спускаться по внешнему склону кальдеры. Шагать под гору куда легче!.. Вот и наша, центральная дорога. В гордом одиночестве, я шагаю по грунтовке влево, в сторону мыса Четверикова. Кругом стоит холодное молоко плотного тумана.

– Со стороны Тихого океана пришли холодные, мёртвые туманы, – прикидываю я, – На этой стороне острова температура, днём, держится не выше плюс шести градусов. Мокро и холодно... Теперь я знаю, как определить, что на улице плюс шесть градусов – при этой температуре, изо рта человека идёт пар, при дыхании...

Сырое молоко тумана стоит недвижно. Я шагаю по грунтовой дороге и посматриваю по сторонам.

– Рост растений, на тихоокеанской стороне Кунашира, практически остановился! – пытаюсь я сформулировать в голове, перемены в природе, – Вон! На открытых туману морских террасах, березняк – до сих пор стоит голый! Его листочки, как две недели назад проклюнулись из почек – так и стоят! По сей день...

Вот и бетонный корпус кордона заповедника. Здесь, двадцать первого мая, мы начинали полевые работы...

Во второй половине дня, я сбегал с мыса Четверикова вниз, к морю. Какие, вокруг, разительные перемены! У подножия мыса, где я закладывал в гербарий хвощ и фиалки – за эти пятнадцать дней вымахала двухметровая стена белокопытника, крапивы и купыря! Покрытые низким ковром бамбука, взгорки мыса, пестреют массой малиновых соцветий ятрышника...

Базирующиеся на кордоне москвичи – орнитологи говорят, что на вершине вулкана Менделеева цветёт рододендрон. Он цветёт крупными, жёлтыми цветами.

– Это – рододендрон золотистый, – думаю я вечером, вспомнив их рассказ, – Из наших рододендронов – только у него крупные, жёлтые цветы. Кстати, на вершинах вулканов, которые я посещал, я его ни разу не встречал!.. Ну, да ладно! Вулкан Менделеева стоит в средней части Кунашира. Это – не заповедник. Мне хватит работы и без него...

У меня – перебазировка на кордон «Алёхино». Мой путь лежит через лагерь лесоустроителей, в кальдере вулкана Головнина...

Кальдера! Перекур, в лагере. Я отвлекаюсь на минуту, чтобы проверить свою зарубку. Сегодня, через трое суток, высота аралии увеличилась на тридцать пять сантиметров.

– Значит, – прикидываю я вслух, стоя перед зарубкой, – За сутки – больше одиннадцати сантиметров роста! Это, если не забывать про наступивший июньский холод!

Гружёный, под рюкзаком, я прохожу по тропе над Озёрной к морю и здесь, разворачиваясь на север. Теперь – скакать по валунному охотскому побережью, до кордона заповедника в местечке «Алёхино». Мне, сегодня, не до зелёной охоты – я прыгаю с камня на камень, с камня на камень...

Утро. Я выхожу из двери балка Алёхинского кордона. Передо мной распахнута миниатюрная Алёхинская бухта. Выдающаяся горбом в море, лесистая сопка справа, напоминает гору Артека. Аю-даг, по-моему. Стоит высокая облачность. На море тихо.

С самого утра, у меня – поток гербарных сборов! Я закладываю «траву на сушку». Сегодня, вся моя работа проходит на низкой морской террасе бухты местечка «Алёхино». Стоит пасмурный день. Парит. Сквозь туман пригревает солнце. Душно и влажно. Как в бане...

– Земляника! – я опускаюсь на корточки, в цветочную радугу разнотравья, – Цветёт!

Определитель показывает мне, что у нас, земляника – «иезская». Я выкапываю четыре экземпляра земляники, в гербарий. В шаге – клевер, в шаге – вика, в шаге – ландыш...

– Кстати! – я разговариваю сам с собой, подбираясь к ландышам своими грязными руками, – Ландыш, у нас, называется «ландыш Кейске»! С большой буквы – значит, назван в честь какого-то Кейске. Наверняка – он тоже японец.

К вечеру под потолком и этого кордона будут висеть мои, до предела заполненные образцами растений, гербарные рамки!

В разнотравье, среди зарослей морского шиповника, мне встречаются и сиреневые пирамиды соцветий кокушника, сантиметров тридцать пять – сорок высотой.

– Кокушник камчатский! Привет! – радуюсь я, – Семейство орхидные, третья категория редкости! Раньше, тебя называли любкой камчатской.

Вскоре, я нахожу очень крупный экземпляр кокушника! Сиреневая пирамидка его соцветия существенно возвышается над окружающим разнотравьем.

– Ух, ты! – я восхищённо стою перед сиреневым султаном, – Ка-кой!.. Вот это орхидея!.. А, что? Я, ведь, могу тебя измерить!

Я торопливо достаю свою рулетку: «Высота – пятьдесят четыре сантиметра! Кокушник! Да ты – гигант!».

Невдалеке стоят чудесные кусты красоднева! За огненно-рыжие колокольцы цветов, в Сахалинском детстве, мы их называли рыжиками.

– Интересно, а сколько будет – этот красоднев? – озадачиваюсь я, примеряясь рулеткой к стрелке с рыжими колокольцами...

– Сто двадцать два сантиметра! Красоднев Миддендорфа, сто двадцать два сантиметра! – радуюсь я, – Это впечатляет!

Слева, из-под скалы, на песок песчаного пляжа морского берега, бьёт родник горячего источника. Парящий ручей извивается по пляжу, в сторону моря. Недалеко от берега ручья, среди местинки разнотравья, стоят кусты ирисов. И я вижу крупный, пурпурный цветок.

– Ирис! И уже цветёт! – восторгаюсь я, – Какой цветок! Крупнющий!

– Ну, здесь-то – всё понятно! Это влияние горячего источника! – качаю я головой, – Это называется «фенологическая инверсия»!..

Вечереет. Я на кордоне. Один...

День за днём подрастающий травостой, уже достиг высоты ста пятидесяти пяти сантиметров! Это – уровень моих глаз. Обзор резко ограничился. Рыскать по лесам в-одиночку стало совершенно неудобно. Лесная жизнь Кунашира, вдруг открылась мне совершенно неожиданной гранью: внимательно посмотрев вокруг себя, я вдруг осознал, что холодок тревоги, исподволь точивший мою душу последние дни – совершенно не напрасен. Здесь, всё говорит о близком присутствии медведей! Куда ни брось взгляд...

Утро. Балок Алёхинского кордона. Сегодня, я уйду на обследование лесных окрестностей местечка Алёхино. Потому что морские террасы мною уже отработаны.

Я один. Как всегда, один. От устья речушки Алёхина, я заворачиваю в широкое «устье» её распадка... На ровных участках я мало что вижу впереди себя. Поэтому, я стараюсь двигаться вдоль склонов – тогда я, хоть, вижу, что делается с трёх сторон от меня.

Вот, впереди, среди зарослей бамбукового дубняка, выделяется толстый ствол дерева!

– Ух, ты! Какой! – я гребу по бамбуку, к этому гиганту...

Над уровнем высокого, по грудь, бамбука, на добрый метр возвышаются разрозненно стоящие повсюду, побеги какалии мощной...

Всё! Догрёт! Я упираюсь в вертикальную колонну светло-серого ствола.

– Бархат! – я трогаю аккуратные, пружинящие под пальцами, желваки коры, – Пробка! Пробковый, мягкий ствол – это гарантия того, что это – бархат сахалинский, а не ясень.

– Эгей! Это я здесь! – предостерегающе кричу я, озираясь по сторонам.

Я закрепляю конец своей жёлтой, матёрчатой рулетки за заусеницу коры и начинаю продираться по лопухам, вокруг колонны ствола...

Всё! Вот конец моей рулетки.

– Так, два метра тридцать пять сантиметров! – громко говорю я, сам себе, – Если разделить на число «Пи», то получится диаметр ствола. Диаметр ствола этого бархата... семьдесят пять сантиметров! Класс! Это – самый большой диаметр бархата, в моей диаграмме!

Видимость закрывает буйная пышность широколиственного леса, и тревога колокольчиками звенит в моей голове. Но, работу никто не отменял. Я шагаю дальше...

Вот и новый образец, в гербарий! Я снимаю рюкзачок и приседаю над ним, чтобы вынуть гербарную папку. Но, теперь – я с головой утонул в бамбуке! Быстро распрямившись, я насто-роженно верчу головой по сторонам.

– Эгей! Это я, здесь! – громко кричу я и прислушиваюсь к лесным звукам.

И снова ныряю к рюкзаку...

Теперь, я закладываю растения в папку аккуратно, но быстро. Мои пальцы торопливо распрямляют листочки растения на газете... А я, тем временем, насто-роженно процеживаю ушами окружающий лес, на предмет подозрительных шорохов.

– Чу!

Я торопливо вскакиваю и осматриваюсь по сторонам!

– Фу-уу! – выдыхаю я, – Показалось. Всё тихо... Эгей! Это я, здесь!

И я снова ныряю в бамбук, к своей гербарной папке... Наверное, со стороны это выглядит смешно, но только не для меня.

В бассейне речки Алёхина, сплошь покрытом массивами хвойного леса, заросли бамбука не имеют сплошного распространения. Но, это – только хуже для меня! Там, где нет бамбука, его заменяют заросли лопухов, уже поднявшиеся выше человеческого роста. Лопухи напрочь затопили распадок речки! Но, другого пути, у меня нет...

– Эгей! Это я, здесь! – громко кричу я, – Это я здесь, иду!

Осмотревшись, я обречённо лезу в лопухи, ближе к речке. Тревога звенит в моей голове...

Вот! В буйстве лопухов и обширных крон лиственных деревьев, я вижу, что с противоположного склона распадка, над речушкой нависает удивительно толстый ствол дерева! Насто-роженно озираясь по сторонам, руками раздвигая зелёные зонты и листья лопухов, я пробир-аюсь к нему...

– Клён?! – искренне изумляюсь я, – Кто бы мог подумать! Клён мелколистный!.. Какой ты огромный, клён!

Совсем недавно, этот клён имел название «клён красивый». Теперь – название заменили. Мне, это очень жалко – такое красивое было название! Даже переполняющая меня тревога, не может перекрыть восхищения этим «деревянным» монстром. Я вынимаю свою рулетку и, закрепив её конец в трещинке коры, проламываюсь по бурьяну вокруг ствола...

– Всё! Три метра и восемь сантиметров! – громко говорю я, – Значит, диаметр ствола... девяносто девять сантиметров!

Этот диаметр почти вдвое превышает наибольший диаметр клёна, в моей диаграмме! Я – очень этому, рад! А, тем временем, мои глаза с тревогой стреляют вокруг – как бы, в этих дебрях, не столкнуться с медведем!

– Эгей! Это я иду! – громко оповещаю я, окружающий лес.

В этих криках, как и в том, что я постоянно, громко разговариваю сам с собой – посыл один: «Услышит – уйдёт!». Главное – заранее предупредить медведя о своём присутствии. Я шагаю дальше...

Вскоре, я торможусь у болотинки, на середине сырого днища речного распадка – передо мной стоят гигантские, зелёные розетки огромных, бананообразных листьев.

– Лизихитон! Листья какие у него, здесь, огромные! – громко изумляюсь я и озадачива-юсь, – Интересно, сколько они... в длину?!

И я разматываю свою рулетку, по срединной жилке «бананового» листа...

– Вот, это, дааа! – громко говорю я, – Сто тридцать сантиметров! Точно, как у банановой пальмы! И это – длина только одного листа! Это – только радиус розетки! Значит, диаметр «куста» лизихитона – два метра шестьдесят сантиметров!

Вскоре, я вываливаюсь из зарослей речки вправо, на обширное поле, покрытое ковром злаков. Злаки, здесь, мне – всего по колено!

– Фуууу, – облегчённо выдыхаю я, – Какой обзор!

И я сворачиваю из дебрей лопуховой поймы, на это поле. Это обширное поле сплошь покрыто ирисами! Я шагаю по полю. Вокруг меня – море этих тёмно-синих, крупных цветов!..

Дойдя до противоположного края поля, я подхожу к подножию крутого склона распадка. Здесь – спелый, хвойный, елово-пихтовый лес, с покровом из папоротников. Куда ни глянь – вокруг стоят удивительно толстые стволы елей! Один за другим, я замеряю рулеткой их толщину...

Самый толстый из стволов – девяносто пять сантиметров! Но, в отличие от приземистого клёна, это – высоченная ель! Запрокинув голову к небу, я восхищённо осматриваю пышущую здоровьем, коричневую колонну чешуйчатого ствола. Шатёр еловой кроны, реет парусом в недостижимой высоте, где-то в поднебесье.

– Ель аянская! – громко говорю я, похлопывая ладонями по железным, коричневым бляхам её коры, – Ну и здорова же ты, ель!

Уходящая в небо, живая колонна елового ствола ощутимо притягивает меня к себе. Так бы и стоял, прижавшись к ней ладонями! Наверное, это – энергетика...

От очередной еловой колонны меня отрывают истошные птичьи вопли! Я недоумённо прислушиваюсь к пронзительному, скрипучему верещанию: «Это, ещё, что такое?!». Я крадусь среди коричневых колонн еловых стволов, на вопли...

Наконец, я вычисляю их источник! Вот! Высоко над моей головой, в сухом, прелом стволе ольхи волосистой, чернеет круглое отверстие дупла.

– Это – дупло большого пёстрого дятла! – вслух, прикидываю я.

Словно в подтверждение моих предположений, в хаосе сучьев еловых крон чуть выше по склону, стремительно промелькнула птица! И сходу, прилепилась на ствол ольхи, метра за два до входа в дупло.

– Кек! – коротко и резко вскрикивает она, коротко дёрнув головой, – Кек!.. Кек!

– Вот он! – прищуриваюсь я, – Точно! Большой пёстрый дятел!

Птенцы в дупле, совершенно не стесняясь, верещат на весь лес! Как я понимаю, они требуют корма...

– Конечно! – громко рассуждаю я, не сводя глаз с дупла, – А, чего, им бояться? Попробуй, доберись кто, до них!

Покрутившись под ольхой, я продолжаю свою работу...

Под лесом, я переваливаю через гребень распадка вправо и в верховьях соседнего, выходящего прямо на балок нашего кордона, распадка, среди частокола стволов елей и пихт, я замечаю ствол тиса! Он вишнёво-красный и толстый. Я подворачиваю к нему: толстый ствол дерева, внутри – совершенно пуст!

– Барабан! – громко говорю я.

Ствол тиса действительно напоминает мне барабан, вернее, вертикальную трубу. Толщина стенок этой трубы не превышает пятнадцати сантиметров.

– А, жаль! – расстраиваюсь я, вынимая рулетку из рюкзачка, – Трудно даже представить, сколько этому старцу лет!

– Так! – прикидываю я, – Диаметр его ствола – сто четыре сантиметра... Значит, его радиус составляет пятьдесят два сантиметра. Годичные кольца у тиса, такие тонкие, что без бинокля – не подсчитать, примерно три на миллиметр... Получается, тысяча пятьсот шестьдесят лет! Круто!

Я шагаю по лесу, дальше...

– Полторы тысячи лет, – через минуту, пробую я, на слух, эту цифру и согласно киваю головой, – Круто! Это круто!

Далеко внизу, под моей сопкой, сквозь просветы между кронами деревьев, чернеет рубероидная крыша Алёхинского кордона. Я начинаю спускаться по лесистому склону вниз, к дому...

Вот, впереди, подо мной, постепенно вырисовывается крупное дерево! Я прищуриваю на него, свой ботанический глаз: «Обширная крона... крупные, широколопастные листья напоминают клёновые».

– Хм! Калопанакс! – улыбаюсь я и по мере спуска, начинаю подрабатывать к дереву, по ходу вытаскивая рулетку.

Калопанакс семилопастный – дерево из семейства аралиевых, родственник аралий, элеутерококка и легендарного женьшеня.

– Диаметр ствола – семьдесят один сантиметр! – громко разговариваю я, сам с собой, – Круто! Для калопанакса – тем более...

Вот и крыльцо нашего небольшого, Алёхинского кордона.

– Фууууу! – я выдыхаю воздух, – Всё хорошо. Можно расслабиться...

Вечер. У меня – обычные заботы по перекладке собранных за день образцов растений, из гербарной папки в рамки, на сушку. И невесёлые мысли, о дне прошедшем:

«Шарахаюсь от каждого куста! А, ведь, я – на работе... Ну и что, что без напарника? Я не могу сидеть на кордоне и просто не выходить в лес! Работать надо! Надо... Ну, а что говорит внутренний голос? Внутренний голос говорит, что я играю с огнём! Рано или поздно, но встреча с медведем произойдёт! Дело – только во времени. Ведь, всё довольно просто – занимаясь свободной охотой, я двигаюсь по лесу зигзагами, как челнок, процеживая местность. При энном количестве медведей на этой площади, я всё-равно на кого-нибудь нарвусь! Дело – лишь во времени. Не сегодня – так завтра, не завтра – так послезавтра...

Весёлые расклады, нечего сказать! Двигаться бы мне по лесу – по прямой линии! Тогда, вероятность встречи с медведями не была бы такой высокой...».

Утро. Я выхожу на крыльцо балка Алёхинского кордона: наступает хороший, погожий день. Рабочий день!

– Шшшшшшш! – я делаю глубокий вдох, такого ароматного, лесного воздуха, – Ах, какой запах!.. Нужно собираться в лес. Сегодня нужно будет крутнуться по дальним окрестностям бассейна речки Алёхина».

Я гоню прочь тревогу: «Меньше сентиментальности! Вчера обошлось – обойдётся и сегодня!».

Брезентовые брюки, туристические ботинки, свитер под брезентовой штормовкой, лыжная шапочка на голове, тесак на поясе, ботанический рюкзачок за плечами. Что ещё нужно охотнику за растениями?!

– Вперёд! – командуя я сам себе, – Труба зовёт!

Склоны сопки, прикрывающих долину речушки Алёхина с севера, покрыты сомкнутыми массивами хвойных лесов. Я шнуркую от дерева к дереву, от дерева к дереву. Чем заинтересует мой ботанический глаз – туда и поворачивают мои ноги.

Зигзагами, я продвигаюсь вдоль склона речной долины. Вокруг – мёртвопокровный пихтарник. Под ногами – чистая лесная подстилка, из хвои. Ею совершенно гасятся звуки моих шагов. Я плыву между пихтовыми стволами в полном безмолвии! Как призрак! Эта, напряжённая тишина режет мне слух, и я часто кричу, оповещая лес о своём присутствии.

– Эгей! Это я, здесь! – ору я на весь лес.

Через пару минут, я снова горланю на весь лес: «Эгей! Это я, здесь иду!»... Вот, впереди, среди частокола светло-серых пихтовых стволов, вырисовывается тёмно-вишнёвый, гладкий ствол тиса!

– Тис!

Я сворачиваю к дереву...

Ощупываю руками гладкую поверхность ствола – живой, полновесный ствол!

– Тис! Какой ты толстый! – громко говорю я, тису, – И даже – не барабан! Молодец!

Я достаю из рюкзака рулетку...

– Так! – громко разговариваю я, сам с собой, – Девяносто шесть сантиметров!

Оглядываюсь по сторонам – стволов тиса, на этом участке хвойника, так много!

– Ух, ты! – удивляюсь я, – Не меньше двух единиц в составе древостоя!

Нормальным языком, это означает, что тиса – не менее двадцати процентов от количества стволов! Два ствола из десяти!..

А, вот! Впереди – толстенный ствол ели! И я подворачиваю к ней.

– Ка-кая! – я восхищённо шлёпаю ладонью по бляхам коры, – Сколько же, твой диаметр?

Я разматываю жёлтую ленту своей рулетки, обходя вокруг ствола...

– Ого! – я смотрю на деления рулетки, – Три метра сорок два сантиметра! Значит, диаметр – сто девять сантиметров!

– Сто девять! – визжу я, – Рекорд породы!

На удивление толстый ствол ели, почти без збега, ровной колонной уходит ввысь.

– Ох! Какая же ты! – я опять, восхищённо качаю головой и с сожалением отнимаю руки от елового ствола.

Дерево ощутимо притягивает меня к себе, своим здоровьем и силой. Так бы держал руки и держал, и держал...

В очередном распадке, среди бледно-серых, гладких стволов пихт, резко выделяется очередной толстый тис! Ядрёный ствол этого дерева темнеет красной медью гладкой коры. Разматывая свою рулетку, я обхожу вокруг ствола.

– Так!.. Твой диаметр – семьдесят один сантиметр! – громко сообщаю я тису.

А, вон! Рядом! Ещё тис! И, даже, большего диаметра!

– Так... девяносто два сантиметра! Здорово! – радуюсь я и тут же огорчаюсь, – Вот, только, ты – барабан.

– Как жаль... – я успокаивающе похлопываю тис ладонью, по гладкой коре.

Мне, действительно, его жалко. По накопленному за эти дни материалу, я могу сказать, что тисы толще восьмидесяти сантиметров – все пусты. Они – не просто дуплисты! Их толстые стволы представляют собой вертикальные трубы. Я думаю, что это – болезнь старости, в этом роду долгожителей...

От моего внимательного глаза не укрывается тот факт, что сегодня – едва ли не каждый второй ствол пихты расчерчен медвежьими когтями! Часто, под сумраком леса, мне в глаза бросаются дорожки положенных медвежьими лапами редких соломин вейника. Сегодня, сеть этих медвежьих набродов так густа! Такого, на Сахалине, не увидишь. Моя тревога усиливается, и я постепенно заворачиваю круг своего маршрута вправо. Я и так, сегодня, забрался – чёрт знает куда...

В тыльной части бассейна речки, я упираюсь в старые вырубки. Здесь, когда-то рубили лес. Делянки заросли молодняком пихты и берёзы. Я лезу напрямик...

Но, через этот жердняк замучаешься прорываться! Такой частокол, в своей лесной жизни, я ещё не встречал! Подёргавшись пару минут между вертикально стоящими жердями стволиков, я круто сворачиваю вниз по склону...

И через десяток минут сваливаюсь в распадок речки! Днище распадка покрывает высокотравный ольховник. Здесь – такой густой подлесок, из высоченных кустарников! Сплошные

заросли бересклетов, сирени, гортензий, смородин... А лопухи! Видимости – практически, никакой! И я часто хлопаю в ладоши и громко кричу. Мои хлопки: «Бах! Бах! Бах!» и вопли: «Эгей! Это я иду! Это я, здесь иду!» далеко разносятся по лесу...

Наконец, впереди, в просветах крон затопленных снизу лопухами огромных, баобабообразных вязов, показалась чёрная крыша Алёхинского кордона!

– Фуууу! – измученный за день тревогой, я с трудом перевожу дух, – Всё хорошо... Вот и сегодня! Я отработал в полную силу. И сегодня всё обошлось...

Новое утро. Я ухожу из местечка Алёхино на север, в район, где тоже ни разу не был. Где-то там, на склонах сопков, с юга подступающих к озеру Песчаное, меня ждёт работа на пробных площадях третьего отряда лесоустроителей. Я знаю точку на карте...

На Алёхино я больше не вернусь – к ночи планирую выйти на кордон, что стоит на мысе Четверикова.

Я шагаю по лесной дороге из Алёхино. Кругом – буйство южного, смешанного леса. Моя дорога – это глиняный туннель в джунглях! Здесь, раз в месяц, проезжает вездеход. Кроны деревьев смыкаются над головой, неба не видно!..

Вот! Скользя по глиняной кромке гусеничной колеи, я буквально упираюсь в толстенный берёзовый ствол!

– Берёза Эрмана! Какая огромная! – я снимаю рюкзак на землю и достаю рулетку, – Диаметр ствола... девяносто семь сантиметров! Круто!

Этот диаметр намного улучшит показатели каменной берёзы, в моей диаграмме...

Дорога начинает петлять по склонам пологих сопков, среди массивов спелых, елово-пихтовых лесов. И вот, уже по обе стороны дороги высятся стройные стволы высоченных елей. Своими вершинами, эти ели подпирают само небо! Таких высоких елей, я ещё не встречал!

– А что, если замерить их высоту? – озадачиваюсь я, – Ведь, у меня – с собой высотомер!

Я распаковываю, на дороге, свой рюкзак и оставив его, шагаю с прибором в ельник. Вот! Я отмериваю от ствола ели ровнёхонько двадцать метров, разворачиваюсь и нацеливаюсь высотомером на её вершину...

– Тридцать три метра! – я даже смаргиваю и не верю своим глазам, – Тридцать три? Тридцать три!.. Это самые высокие деревья, на всём Кунашире!

Вволю нарадовавшись и обтрогав руками не один толстый, еловый ствол, я, наконец, выбираюсь обратно, на дорогу – нужно шагать дальше, меня ждёт работа на площадях...

Через полчаса дорога выныривает из-под хвойных лесов. Дальше – пологие склоны сопков покрыты лишь зарослями бамбука, с кое-где одиноко стоящими, мощными деревьями дуба монгольского.

– Даааа! – прицениваюсь я, к этим пространствам, – Придётся погрести! Никуда не денешься...

Вот! Прямо с дороги, я вижу огромный дуб! Я вхожу в стену бамбука...

Раздвигая руками листья и стебли бамбука перед лицом, я наконец подгребаю к широченному стволу. Задираю лицо вверх – ветром, у этого гиганта обломило половину вершины. Но, от этого, он не кажется менее огромным!

– Ух, тыыы... Сколько же, ты, диаметром? – громко разговариваю я, стоя у колонны дубового ствола по плечи в бамбуке, – Сто восемь сантиметров! Вот, это, даааа!

Необходимость обозначать своё присутствие в этом лесу, заставляет меня постоянно и громко разговаривать, сам с собой...

Колеи заросшей, вездеходной дороги опять виляют под тень хвойного леса. В распадке ручейка, прямо у дороги, высится очередной деревянный гигант.

– Бог ты мой! Калопанакс! – я, в изумлении, обхожу вокруг ствола дерева, трогая пальцами его, отслаивающуюся толстыми, вертикальными тяжами, кору, – Глазам не верю!.. Сколько же, твой диаметр?!

Ствол дерева, мощной колонной уходит вверх. Я достаю свою рулетку.

– Сто девять сантиметров! – кричу я через минуту, – Подумать только! Рекорд породы! Я шагаю дальше...

Метрах в семидесяти от дороги вправо, в колке хвойника, скрипучими, пронзительными голосами, на весь лес верещит хор птичьих глоток! Такой же хор я слышал позавчера, на Алёхино. Только, сегодняшний галдёж – куда как пронзительнее!

– Орут-то как! – заинтересованным взглядом, я обшариваю окрестности, – Чьи же, это?

Слева, над редкими кронами бамбукового склона, к колку хвойника, стремительным, ныряющим полётом проскочила чёрная птица! Размерами и окраской, она похожа на ворону. Вскоре, с той стороны, раздаётся её пронзительный и протяжный крик: «Ки-ииии!».

– Желна! – раскрываю я глаза, – Так, это – твои птенцы, так голоса!

– Ки-ииии!

Этот крик, хватающий за душу острой тоской, я ни с чем не спутаю – это желна, чёрный дятел. В детских сказках, леденящие сцены с бабой Ягой, озвучивают именно этим криком.

– Ки-ииии! – несётся над лесом, тоскливый крик.

– Желна! – издали, с дороги, улыбаюсь я дятлу, – В Японии, ты официально считаешься очень редкой птицей! Очень, очень редкой!

– Ки-ииии! – кричит желна.

Через несколько минут, я шагаю по дороге, дальше. По обеим сторонам сухо шелестит листво безбрежное бамбуковое море...

В пойме следующего ручья, я натываюсь на нового рекордсмена! «Натываюсь» – не то слово! Как можно наткнуться на исполина?! Он виден издали. Он на голову выше окружающего его леса!

– Вяз японский! – громко разговариваю я с деревом, – Второе твоё название – вяз долинный... Цельные листья, напоминающие берёзовые... Ох, ты и здоров! Сколько же, твой диаметр?!

Я лезу в рюкзак за рулеткой...

– Окружность ствола четыре метра и два сантиметра! – громко говорю я, себе, – Это значит, что диаметр ствола – сто двадцать восемь сантиметров! Самое толстое дерево на Кунашире! Рекорд! Урааа!

Я шагаю, по колее дороги, дальше...

Впереди – новый гигант!

– Вяз японский! – кричу я, опуская на дорогу свой рюкзак.

– Диаметр – сто двадцать пять сантиметров! – через пару минут снова кричу я, – Мне, сегодня, везёт на огромные деревья!

Час за часом, я шагаю по колее зарастающей дороге, периодически замеряя диаметры стволов особо толстых тисов, калопанаксов, клёнов, дубов... А, вот, пихта – большого диаметра не достигает! Инженер Андрей сказал мне, что пихта генетически предрасположена к гнили, у неё мягкая древесина. Пихта теряет товарную ценность уже к восьмидесяти годам жизни... Во всяком случае, самая толстая, измеренная мной, пихта имеет диаметр всего семьдесят восемь сантиметров.

Но, зато, сегодня – мне встретилась ель, диаметром ствола сто семнадцать сантиметров! Сто семнадцать! Это потрясающе огромное дерево! Кажется, что крупнее этой ели, деревья быть не могут...

Всё по дороге, наконец, я выхожу на пологие склоны, обращённые к озеру «Песчаное». Здесь растут чахлые, вторичные березняки. Хилые, трёхметровые берёзки торчат из полутора-метрового «моря» бамбука. Всё это «счастье» покрывает обширные площади, в прошлом занимаемые темнохвойными лесами.

Всё! Я в точке! Здесь, я должен свернуть с дороги под прямым углом влево и двигаться в сторону озера Песчаное. Там – площадки лесостроителей. Я схожу с дороги и гребу, гребу по бамбуку! Гребу нескончаемо долго...

Мало того, что я ничего не вижу и не слышу! В этих плотных и высоких зарослях бамбука, совершенно нет движения воздуха! Духота – невыносимая! Чахлые берёзки поражены каким-то насекомым – вредителем. Пожирающие листья мелкие, зелёные гусеницы, от резкого сотрясения деревцов, при моём «проплывании» по бамбуку мимо них, катапультируются по тонким паутинкам, вниз. И нескончаемым потоком, сыпятся мне на шапочку, за воротник, на очки...

Я устаю отбиваться от опутывающей лицо и очки паутины, от омерзительных гусениц за шиворотом. Да и сама гребля по бамбуку – занятие не из лёгких. Пот заливает мне глаза и очки, дрожащей капелькой постоянно висит на кончике носа...

Впереди, прямо на моём пути, среди бамбуково-берёзового моря, чёрным исполином возвышается огромный тис! Через пяток минут, весь в мыле, я, в изнеможении вываливаюсь из бамбука под дерево.

– Фуууу! – хрипло выдыхаю я, воздух.

Тень обширной, густой кроны тиса, не даёт расти бамбуку. Здесь – ничего нет, и я вываливаюсь в эту пустоту! Неуверенно пройдя на непослушных ногах, по голой земле шагов пять, я валюсь спиной к широкому, красному стволу гиганта...

Только через несколько минут, чуть отдышавшись, я начинаю шевелиться, развязывая рюкзак...

Как и следовало ожидать, этот тис – не исключение из общего правила.

– Ты, тис – тоже барабан! – громко разговариваю я с деревом, разматывая жёлтую ленту рулетки по стволу, – Хотя и очень огромный! Сколько же, твой диаметр?..

– Так!.. Четыре метра шесть сантиметров на рулетке. Это... сто двадцать девять сантиметров! Вот, это, даааа! Таких толстых тисов – больше, нигде нет! Ни в Приморье, ни в Хабаровском крае...

– Сколько же, тебе, может быть лет? – озадачиваюсь я, чуть позже, – Диаметр – сто двадцать девять. Значит, радиус составляет шестьдесят пять сантиметров. Значит, возраст... примерно тысяча девятьсот пятьдесят лет. Почти две тысячи лет! Это круто...

Я громко разговариваю с тисом, поглаживая его гладкую, отливающую красной медью, кору: «Ну, ты тис, даёшь! Ты живёшь уже две тысячи лет! Как же много ты видел... Пихта живёт – лет сто двадцать, максимум. Ель живёт триста пятьдесят лет. Значит, Кунаширские хвойники сменяются раз в триста – триста пятьдесят лет. Значит, за две тысячи лет сменилось шесть поколений ельников! Шесть раз, вокруг тебя, полностью сменился лес! Тис! Ты самый старый из всех живых, на Кунашире!».

Чуть отдохнув, я шагаю из-под тисовой кроны, в бамбук. Опять, меня с головой захлёстывает духота и паутина бамбукового моря...

Наконец, бамбуковый березняк кончился! Я стою в начале, полого уходящего в сторону далёкого невидимого озера, распадка. Дальше – всё покрыто дремучим, хвойным лесом. Там, где-то внизу, в хвойниках – моя пробная площадь. Вторая, за сегодняшний день. Я начинаю спускаться в распадок, по его днищу. Постепенно, он становится всё глубже...

Наконец, я останавливаюсь. Какое-то необъяснимое, шестое чувство! Глянув влево, глянув вправо, я замечаю, что отдельные наброды медведей, по травяным склонам распадка стекаются на его днище и у моих ног превращаются в свежую, натопанную тропу. Тропа, по днищу, ныряет в высокие заросли, стоящего перед моим лицом монолитной стеной, высокотравья.

– Я стою на свежей медвежьей тропе! – просчитываю я, – Она уходит по днищу распадка, вперёд...

Дальше, вниз, простирается затопленный лопухами наполовину своей высоты, смешанный лес...

Острое чувство тревоги, с которым я устал бороться за сегодняшний день, отдельными мгновениями перерастает в панику. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не броситься назад. Оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, я выбираюсь из распадка назад и ухожу своим следом, обратно. Туда, откуда пришёл...

Вечер. Как всегда, многолюдный кордон заповедника, на мысе Четверикова. Сюда я выкрутил по лесу, к концу дня.

– Вот и ещё один рабочий день прошёл! – хмуро думаю я, глядя на море с высоченного мыса, – Сорвалась работа на второй площади. Как ни крути – всё-равно придётся туда идти... Странно всё это – ведь, я в лесу вырос. Что может выбить меня из колеи?! Уже несколько раз, меня захлёстывает настоящая паника! Когда я стою у черты управления собой. Постоянная борьба с собственным страхом истощает психику...

– Саня! – кто-то зовёт меня от дома.

– Ладно! – плюю я под ноги, – Поменьше сентиментов! День прошёл – ну и чёрт с ним!..

Утро. До сих пор, на тихоокеанской стороне острова, стоят плотные, холодные туманы. Температура постоянная – и днём, и ночью плюс шесть градусов. Это тепло для весны, но не для лета! Сыро, безветренно и холодно.

Одет я соответственно погоде: под плотной, из палаточного брезента, штормовкой скрыт толстый свитер. На голове – тёплая лыжная шапочка. Ещё более грубые, чем штормовка, брезентовые брюки заправлены в мои неизменные туристические ботинки.

Холодная морось густо сыпит на кроны деревьев. И на мою голову...

– К чёрту всё! – решаю я, – Обошлось вчера – обойдётся и сегодня!

Я ухожу по дороге обратно, в сторону озера Песчаное, доделывать не выполненную вчера работу...

Плоскость высокого плато, лежащего за Андреевкой, покрыта ковром низенького бамбука. Сейчас, здесь всё пестрит от множества соцветий ятрышника!

– Ух, ты! Сколько ятрышника! Самый разгар цветения! – восторгаюсь я и улыбаюсь, – Тоже, ведь, орхидея! Хоть и слишком, для нас, обычная.

Ятрышник остистый на Кунашире – такой же массовый вид, как лютик на Сахалине. Я и до этого, конечно же знал, что хвостатые цветки этой орхидеи бывают разной окраски! Но, чтобы такое разнообразие?! Я шагаю по плато в сторону нужной мне дороги и смотрю себе под ноги: самый многочисленный вариант окраски ятрышника – малиновые цветки. Но есть и более яркие – синие с крапчатым зевом, фиолетовые...

– О! Белый ятрышник! – я изумлённо наклоняюсь над чисто-белым соцветием.

Колеи зарастающей дороги ведут к лесу. Это – моя дорога. Я шагаю по колеям...

По пути, я замеряю диаметры стволов нескольких толстых тисов. Самый толстый из них имеет диаметр ствола сто семнадцать сантиметров.

– Сто семнадцать! – громко разговариваю я, сам с собой, – Это, конечно, не сто двадцать девять, но – тоже, очень здорово! Это подтверждает, что толстые тисы, более метра диаметром ствола, на Кунашире – совсем не единичны!

Я всё посматриваю на деревья черёмухи. Их, здесь – масса! Одни из них – стоят прямо у дороги.

– Черёмуха айнская! – громко отмечаю я, – Массово бутонизирует! Несмотря на такую погоду...

Я подхожу к одному из деревьев черёмухи и дотягиваюсь до его нижней ветви. Она вся покрыта длинными кистями бутончиков!

– Интересно! – прикидываю я, – А, сколько цветков может быть в одной кисти?

Пудобнее перехватив одну из кистей, я начинаю считать бутончики: «Один, два, три... восемьдесят. Подумать только! Восемьдесят цветков в одной кисти! Я думал, пятнадцать – восемнадцать... но чтобы восемьдесят! Невероятно!». Через минуту, успокоившись от удивления с черёмухой, я шагаю по колее заросшей дороги, дальше...

Вот! Пришёл. Это – точка поворота, с этой дикой дороги. Тут – мне нужно свернуть под прямым углом вправо, в направлении озера. Я поворачиваю и заглубляюсь в бамбук... Здесь – обширные площади бамбука! Я снова, как вчера, долго и трудно гребу, по слегка понижающемуся в сторону Песчаного, бамбуковому морю...

Общий уклон местности становится круче. Чахлый, бамбуковый березняк постепенно замещается спелым хвойным лесом. Здесь, на лесистых склонах сопки с южной стороны озера, я с трудом отыскиваю пробную площадь лесоустроителей. Я стою на прорубленном визире посреди хмурого, захламлённого хвойного леса и осматриваюсь по сторонам...

Я наклоняюсь и поднимаю с дернины лесной подстилки, срубленную секирой лесоустроителей, вершинку лабазника. Она – также свежа и зелена, как и вершинки побегов, растущих рядом.

– Хм! – скептически хмыкаю я, – Если посчитать – её срубили две недели назад! Когда лесоустроители рубили этот визир. Две недели! А, вот! Листья – даже, не подвяли! Они совершенно свежие!.. Что ж, ты, хочешь? Такая погода! Сыро и прохладно... В таких условиях, определить свежесть следа по сломанному листу – дело безнадёжное и даже глупое.

Пробная площадь характеризует буреломный участок спелого, елово-пихтового леса. Густой подрост неприятно ограничивает видимость. Между гладкими, светло-серыми колоннами пихтовых стволов, лениво перетекают седые пряди тумана. Я стою и недоумённо смотрю на них: «Странно это! Туман стоит не над лесом, а – прямо между стволами деревьев!». Моё «Эгей! Это я здесь!» гулким эхом, скачет между колоннами стволов.

– Бух! Бух! Бух! – хлопаю я в ладоши.

– Какое, сегодня, громкое эхо! – поражаюсь я, – Каждый хлопок в ладоши – как выстрел! Удивительно...

Настороженно озираясь по сторонам, я брожу по площади с дневничком и авторучкой в руках, описывая травостой и ярус кустарников...

Вскидываясь на каждый шорох, я осторожно расправляю листья растений, которые закладываю в гербарную папку. Одних из них – я не знаю, их названия буду определять на кордоне, в спокойной обстановке. Другие же – представляют интерес для гербария заповедника, коллекция...

Всё! Страхи – страхами, а работа сделана. Ура!.. Возвращаться на кордон обратным следом, мне – так не хочется! Бесконечная гребля по просторам бамбукового моря отталкивает меня огромными затратами физических сил. Да, мне, это – и не интересно! Бить ногами, в четвёртый раз, одну и ту же дорогу.

Пробная площадь оставляет в моей душе тяжёлый осадок – тёмный, дикий участок буреломного леса. По днищу распадка, полого уходящего к озеру, я направляюсь дальше, вниз. Песчаное где-то там, за лесом...

Вскоре, начинается сырой ельник из ели Глена. Подлеска из кустарников – здесь, нет вообще. Основания стволов елей и валёжник покрывает ковёр зелёных мхов. Кругом – попопки, попопки, попопки... Это медведи кормятся лизихитоном.

– Эгей!!! Это я здесь иду! – часто кричу я.

Очередной раз крикнув и прислушавшись к гулкому эху, я делаю вперёд несколько шагов и в изумлении, застываю на месте – в десятке шагов, даже не взглянув на меня, ленивой трусцой, дорогу мне перебегают лисица! Слева-направо, я тупо провожаю её пристальным взглядом. Не поднимая опущенной к земле морды, рыжая, неслышной тенью, исчезает среди еловых стволов...

Опомнившись, я усиленно смаргиваю, пытаюсь прогнать наваждение: «Будто меня – вообще, нет! Я только что орал, как недорезанный! Такое эхо!.. Как, всё это, понимать?!». В полном недоумении, постояв несколько минут и так и не решив, как реагировать на эту невероятность, я делаю новый шаг по распадку, дальше...

Минут через сорок сквозь переплетенье веточек чахлого ольховника, впереди начинает проблёскивать спокойная гладь озера. Мой распадок раздаётся в стороны, открывая взгляду обширную котловину озера.

– Фуууу! – я облегчённо перевожу дух, – Ура! Песчаное!

Самое опасное, на сегодня – позади...

Берег Песчаного, неожиданно для меня, оказывается топким! Немного отступив от берега под ольховник, ближе к подножию склона, я разворачиваюсь вправо и бодро шагаю вдоль озера, в сторону Серноводска, домой.

Среди густого ковра осоки, передо мной покачиваются абсолютно чёрные колокольцы цветков!

– Рябчики! – радуюсь я, – Привет!

Это – не птица, боровая дичь. Это – растение, из семейства лилейных. Оно называется «рябчик камчатский». Я сбрасываю свой ботанический рюкзачок прямо в высокую осоку и закладываю в гербарную папку несколько экземпляров рябчика... Обычно, каждое растение рябчика бывает увенчано одним – двумя колокольцами.

– Ах! – восторгаюсь я, – Три цветка! И вон! Ещё три!.. А, вон! Даже, четыре цветка! Рябчик с четырьмя цветками!

Тревога отступает на второй план, и я, с увлечением, бросаюсь в ботанические чудеса.

– А, вот! Какие огромные фиалки Лангсдорфа!

Я выхватываю свою рулетку: «Пятьдесят сантиметров, высота! Ни-че-го себе! Это – настоящий гигантизм!». Вокруг – столько чудес! И я, всё закладываю и закладываю растения, к себе в папку...

Однако, болотистый ольховник, в конце-концов, мне надоедает. Осмотревшись по сторонам, я решаю с большей пользой использовать свой холостой проход с места работы домой.

– Дальше – одно и то же! Прочешу-ка я, лучше, вот эти склоны сопки! – примериваюсь я к спускающимся к озеру склонам, – Получится, практически, по пути!

Резко свернув вправо, к спускающемуся к озеру лесистому склону, я бодро шагаю по сочному коврику осоки, к подножию сопки...

Постепенно, этот ковёр начинает раскачиваться, в такт моим шагам. Всё сильнее, сильнее, сильнее... На ходу, пристально всматриваясь вверх, в кроны склона, я слишком поздно замечаю это! До склона остаётся шагов двадцать!

Не останавливаясь, я, наоборот, ускоряю свой шаг. Ситуация срывается! Я бросаюсь вперёд! Мои ноги ступают в пустоту. Я, с размаху, заваливаюсь животом на зыбко расплывающийся подо мной зелёный ковёр травки! По инерции, в воде, моё тело продолжает движение вперёд... и вот, наконец, пальцами вытянутых вперёд рук, я вцепляюсь в дёрн травянистого склона сопки.

Подтянувшись на руках к склону, я встаю в воде вертикально. И ногами, не нахожу дна! Глубина! Ухватившись за небольшие кустики, я руками вытягиваю себя на крутую, травяную стену склона.

– Уххх! Страху-то! Блин!.. – вполголоса матерясь, я лезу по травке вверх по склону, хватаясь за кустики руками, – Кто мог подумать, что здесь – ложный берег?! Чёрт бы его побрал!

Вода, бойкими ручейками, стекает с одежды на траву...

– Блин! – злюсь я, – Сухого места не осталось! Чтоб ты сдохло!

Метров двадцать крутого подъёма – и склон сопки переламывается. Подтягиваясь руками по травяному склону вверх, на его гребне, я, буквально носом, упираюсь в стену толстого ствола дерева!

– О! – в одно мгновение, оцениваю я экземпляр, – Какая берёза!.. Сколько же ты диаметром?!

Мокрый до нитки, я, с хлопанием, сажусь на дернину и достаю из ботанического рюкзака рулетку.

– А, рюкзачок-то – воду держит! В нём – всё сухо! – радуюсь я, – Так! Три метра сорок сантиметров на рулетке, это... сто восемь сантиметров, диаметр! Класс! Рекорд породы! Как ни крути – ты самая толстая берёза Эрмана, в моей диаграмме!

Я поднимаюсь на ноги и осматриваюсь по сторонам: вокруг стоит смешанный лес. Все неровности рельефа скрыты трёхметровым морем высокотравья.

– Интере-есно! – загораются у меня, глаза.

В этом лесу, я повсюду вижу выглядывающие из лопухов своими кронами бархаты, вязы, клёны... А вот! Участок одной черёмухи! Но, всё затоплено лопухами!

– Уф... – вздыхаю я.

Делать нечего, я лезу в лопухи.

– Черёмуха айнская! Пятьдесят один сантиметр! – кричу я, на весь лес.

Раздвигая плотную стену зарослей какалии, я продираюсь по лопухам от одного ствола черёмухи к другому.

– Черёмуха! Пятьдесят два сантиметра! – кричу я, в лопухах.

– Ах! Суперчерёмуха! – горланю я и восхищённо раскручиваю свою рулетку вокруг ствола дерева, – Это – самая толстая!

– Черёмуха! – горланю я, – Пятьдесят девять сантиметров! Рекорд породы!

Но, наверняка, это – предел черёмухового возраста. Это дерево находится на грани естественной смерти, от старости. Оно, просто, дряхлое! Оно – едва живое...

Зигзагами виляя от одного, заинтересовавшего меня ствола, к другому, я продвигаюсь по склону. Плотная стена листьев какалии, сосюреи, лабазника, белокопытника и другого высокотравья, пожалуй, вдвое выше меня! Ничего не видно! И я часто кричу, оповещая окрестности о своём присутствии.

– Эгей!!! Это – я, здесь! – горланю я.

Разворачиваюсь вверх по склону и шагаю из лопухов смешанного леса, в пихтарник. Сочащаяся влагой лесная подстилка совершенно скрадывает звуки моих шагов!

– Бах! Бах! Бах! – мои хлопки в ладоши, гулками выстрелами разносятся по лесу.

– Вот громкость! – удивлённо качаю я головой, – Как из пушки!

Это несколько ободряет. Но, по-прежнему, тревога молоточками стучит в висках и край штормовки с левого бока, загнут за рукоять моего огромного тесака, оставляя её открытой. Когда становится совсем страшно – моя рука впивается в рукоять ножа. Холод металла остужает мою панику, поддерживает стойкость духа...

Вот – вмятины в ковре мха... А, вот здесь – медведь, перескакивая через валёжину, сорвал с неё когтями, мох. Его стебельки ещё, даже, не распрямились! Я, в раздумье, поглаживаю этот мох, пальцами...

– Медведь прошёл здесь – только что? Или это обман погоды? – думаю я, – Попробуй, определи! Такая погода, сырость и прохлада... Да и вообще! В здешнем лесу, такое количество признаков указывает на свежее присутствие медведей, что обращать внимание на эти свидетельства – становится делом, достаточно глупым.

– Эгей!!! Это я здесь, иду! – ору я, на весь лес.

– Услышит – уйдёт! – думаю я, прислушиваясь к своим крикам.

Я очередной раз осматриваюсь по сторонам: море высокотравья остаётся ниже по склону. Я решаю пощадить натянутые целый день нервы и поворачиваю вверх...

Через несколько десятков метров, я выхожу в самое начало уходящего вниз, к озеру, распадка. Его ложе только начинает формироваться и пока, едва выделяется на окружающем фоне. Вокруг стоит папоротниковый пихтарник.

Редкий ковёр папоротников не достигает мне и колен. Хороший обзор вокруг!

– Rrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrr... – отчётливо слышно тарахтение дизеля, расположенных на равнине Серноводского перешейка, совхозных доек.

И я немного успокаиваюсь. Пихтарник, по которому я шагаю – спелый, толстые стволы пихт меня, конечно, интересуют.

– Пихта, сорок четыре! – через пару минут уже громко говорю я, записывая в дневничок цифры.

Хоть и пологий склон, но подниматься вверх по неровностям леса – не так уж и легко и я, успокаивая дыхание, не спеша бреду от одного, измеренного мною ствола пихты, к другому.

– Так! Пихта, пятьдесят два! – я громко разговариваю, сам с собой, – Здорово!

Уклон совсем небольшой – а, всё ж, сбивается дыхание...

– Эге!..

Первое же слово моего командного, предостерегающего крика обрывается коротким, низким рыком!

– Рруххх!

Оторопело вскинув лицо вверх по склону, я вижу медведя, который вскакивает на гребешке, в низком папоротнике, метрах в тридцати передо мной. Без раздумий, зверь бросается по уходящему вправо, гребешку распадочка. Но, уже через несколько прыжков, вычислив, что я – один, он доворачивает и во весь опор, спускается мне навстречу.

В голове проносится: «Ко мне!».

– Аааааа! – истошный, животный крик рвётся из моей груди.

Коротким движением руки, я выдёргиваю из ножен тесак. Ужас страха и ярость отчаяния охватывают меня. Окружающий лес перестаёт существовать, только стон тяжёлых прыжков и бурая туша медведя. Широко расставив ноги, выставив перед собой руку с ножом и чуть подавшись вперёд, я жду, не сводя со зверя глаз. А, он – стремительно и молча стелется под уклон, прямо на меня.

– Раздавит! – проносится в голове, – Как дорожный каток!

Медведь торопится и уже в следующую секунду, с бешеным рёвом, насккивает на меня.

– Rrrrrаааааа!

– Аааааааа! – дико закричав, я прыгаю навстречу налетающей, бурой туше.

В ответ, зверь принимает на каких-нибудь полметра вправо. Гориллоподобно вздыбившись, он, с рёвом, пролетает мимо. В полёте, он разворачивает своё туловище так, что всегда остаётся лицом ко мне. Два мощных маха передними лапами! Правой!левой!

– Шшухх – шшухх! – в когтях, громко шипит воздух.

Каким-то чудом, я успеваю отдёрнуться назад. Воздух, с шипением рассекается перед самым лицом! Вслед за медведем, я прокручиваюсь на месте, на сто восемьдесят градусов.

– Rrrrrаааааа! – поедая меня глазами и яростно ревя, он неистово тормозит, вперив когти в лесную дернину.

Но инерция столь большого тела безжалостно волочёт зверя под уклон по склону, за толстую берёзу.

– Не оставил! – проносится в голове, – Убьёт!

Наконец, пересилив инерцию, медведь бросает своё тело вперёд! Но, между нами – толстая колонна берёзового ствола. Бешеный прыжок вперёд – и яростно ревущая голова вывешивается в широкую развилку берёзы, на уровне моего лица.

– Ррррааааа!

– Брошусь бежать – будет давить в корнях, как мышь! – холодно просчитывает мозг.

– Аааааааа! – с диким криком, я прыгаю вперёд, к берёзе и всю свою силу вкладываю в удар.

Рубящий удар моего тесака приходится наискосок, по медвежьему рылу. Я тут же отпрыгиваю обратно. Но! С удивительной быстротой, медведь выворачивается вокруг колонны толстого ствола! И теперь – между нами ничего нет...

Медведь бросается ко мне, я вижу белки его выпученных глаз.

– Ррррааа! Ррррааа! Ррррааа! – он орёт в лицо, бешеными выдохами!

Чуть вздёрнувшись передней частью тела, без замаха, короткими движениями снаружи вовнутрь, он парно бьёт передними лапами. Правой!левой!

– Шшуххх – шшуххх! – в когтях, громко шипит воздух.

Я уворачиваюсь! Когти мелькают ужасающе близко!

– Паа-шшёллл! – с истеричным криком, я опять рублю тесаком по морде.

Моя, вытянутая вперёд в момент удара, правая рука оказывается в зоне досягаемости медвежьих когтей. Вздёргивание!

– Шшуххх – шшуххх!

Плотный брезент моей штормовки взрывается с лёгкостью папиросной бумаги. Я отскакиваю на шаг. Медведь стремительно наступает! Страшный, низкий рёв: «Ррррааааа!».

– Паа-шшёллл! – надсадно ору я, в медвежьи глаза.

Словно отрезвляясь, медведь отшатывается от человеческого крика в лицо, но уже в следующее мгновение, словно устыдившись показанного страха, он, с ещё большей яростью, бросается вперёд.

– Рррраааааа! – страшный рёв и вздёргивание!

– Паа-шшёллл! – снова, с истошным криком, я рублю по медвежьей морде.

Парный удар передними лапами! Правой!левой!

– Шшуххх – шшуххх!

Уклоняясь от удара правой лапы, я, как в боксе, «насаживаюсь» на встречный удар левой...

Но и тут! Я дьявольски изворотлив! И меня достают только когти! Снова штормовка, с поразительной лёгкостью, лопаётся на мне, как мыльный пузырь.

Я не успеваю отскакивать! Медведь надвигается значительно быстрее! Вздёргивание! Яростный, низкий рёв: «Рррраааааа!».

Время замедляется... о Теперь уже мельница медвежьих когтей становится для меня второстепенной – весь мир заполняет яростно ревушая, огромная башка медведя! Она видится мне, как надвигающийся на меня огромный, мшистый пень.

– Рррраааааа! – бешеный рёв.

– Шшуххх – шшуххх! – шипит в когтях воздух.

– Паа-шшёллл! – в ужасе, с надрывным криком, я успеваю рубануть по морде ещё раз.

И больше – уже ничего не успеваю. Я скручиваюсь туловищем, снова уворачиваясь от удара правой лапы. И всё-также, неизменно попадаю под встречный удар левой. И теперь, это – уже не когти...

Удар в плечо, как невесомую пушинку, срывает меня с земли. Я ощущаю горизонтальный полёт! Медвежья морда – рядом! Она сопровождает меня в полёте! Рефлекторно расставив руки, я падаю на четвереньки, правым боком к медведю. Припав на передние лапы, медведь тут же хватает пастью локоть ближайшей к нему руки. Словно разряд тока проскакивает по моему телу, и правая рука перестаёт существовать.

– Всё! Конец! Как быстро... – стучит в висках...

Смерть, почему-то, не наступает... Пелена апатии лопается, как мыльный пузырь! В моё сознание врывается яростный медвежий рёв!

– Ррррааааа!

– Нож! – взрывается в моей голове, страшная мысль.

Я, в ужасе, шарю по мелкой лесной осочке вокруг, глазами – и в полутора метрах вижу длинную, белую полосу лезвия! Бросаюсь к ней! Наугад хватанув там, где должна быть рукоять, я вскакиваю навстречу яростному рёву.

– Ррррааааа!

Расставив передние лапы и припав к земле метрах в трёх выше по склону, медведь яростно ревет, поедая меня бешеными глазами. Его колотит крупная дрожь. Расставив ноги и слегка пригнувшись, выставив вперёд руку с тесаком, я молча жду, готовый подороже отдать свою жизнь...

– Ррррааааа!

Резко оттолкнувшись от земли всеми четырьмя ногами одновременно, медведь прыгает... назад!

– Ррррааааа! Припав к земле и не переставая яростно реветь, медведь сторожит моё движение. Меня сверлят его бешеные глаза. Закаменев в страшном медвежьем рёве, я не шевелюсь, выставив вперёд тесак...

Снова, оттолкнувшись от земли всеми четырьмя ногами одновременно, зверь отпрыгивает назад.

– Ррррааааа!

И опять сторожит меня, надсадно ревя и поедая бешеными глазами...

Третий раз, медведь прыгает назад полупереворотом, через плечо! И на махах, стремительно уходит туда, откуда пришёл. Я стою в прежней позе, сжимая в руке тесак, и смотрю на удаляющуюся бурую, квадратную, медвежью спину. В прыжках, она качается как маятник: вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз...

Всё! Тяжёлые прыжки медведя затихли... Сам я – действую не менее быстро: вгоняю в ножны тесак, сжимаю в кулак и разжимаю кисть правой руки – руку, я не чувствую! Её словно нет! Но пальцы слушаются.

– Значит, не всё плохо! – проносится ободряющая мысль.

Правый рукав быстро набухает тёплой кровью. Я разворачиваюсь и срываюсь в бешеный бег по лесу. Каждое болтание правой руки причиняет тупую боль. Я, на бегу, ловлю эту руку левой рукой и прижимаю к груди, словно куклу. Главное, сейчас – как можно резче разорвать расстояние между нами...

И это мне удаётся! Через несколько десятков метров, пихтарник неожиданно обрывается передо мной крутейшим лесистым склоном высокого борта Серноводского перешейка. Это – обрыв метров тридцать! С наваленными поперёк склона, сучкастыми стволами елей и пихт, с забитым кустарниками пространством между ними. Весь этот бурелом доверху перевит лианами актинидии! Адская смесь!

С ходу, не раздумывая, грандиозным прыжком, я «выстреливаю» себя с обрыва в воздух, над этой баррикадой хлыстов, кустарников, лиан и лопухов. Сейчас, реальность насадиться на белые штыки сучьев – меня не интересует вообще! В три невообразимых прыжка, я «пробиваю» этот склон и оказываюсь на столе равнины перешейка. И бросаюсь бежать дальше.

Тут же, путь мне преграждает ручей! В глубокой, выбитой в болоте, траншее. Я, с ходу, прыгаю через неё...

Через десяток метров по этой болотине – следующий ручей! Этот – пошире первого, его не перепрыгнуть. Длинным прыжком, я, с ходу, влетаю в середину ручья! Каскад брызг – выше головы! Глубина – по пояс. Двумя рывками, я выдёргиваюсь из траншеи этого ручья...

Дальше – болотистая равнина, в белом молоке тумана. Я бегу по кочкам...

Упругий ковёр болота стремительно отнимает силы. Ноги быстро становятся ватными и непослушными.

– Догонит в таком состоянии – в болото вобьёт! – стучит в голове трезвая мысль, и я перехожу на торопливый шаг.

– Ху-ху! Ху-ху! – держу я дыхание, в такт быстрым шагам.

Я часто оглядываюсь через плечо, на свой, отчётливо видный на болотине, след. Меня беспокоит реальность медвежьего преследования. Но, сзади всё спокойно. И я всё дальше ухожу от склона, от леса, на равнину...

Метров через пятьсот, в густом тумане, я выхожу к совхозному стаду. Коровы, широкой россыпью, лениво тянутся по равнине, мне навстречу...

– Фуууу! – глубоко вздыхаю я.

Коровы, одна за другой, цепочками проплывают и слева и справа, мимо меня. Вот, я уже в середине стада! Это меня окончательно успокаивает... Бросаю короткий взгляд на правую руку – кровь, с кончиков пальцев, больше не капает. Это – тоже хорошо...

Вот, впереди, обозначились и совхозные дойки. Два строительных вагончика «на колёсном ходу» стоят на берегу, по другую сторону Серноводки. Но, это – меня не волнует вообще. Совершенно не выбирая брода, я, с ходу, вхожу в загаженную коровьим навозом, илистую речку...

Подхожу к вагончику. Два пастуха открывают дверь навстречу, на метровой высоте железного, арматурного крыльца.

– У вас, чистой воды не найдётся? – интересуюсь я, глядя на них снизу – вверх.

– Е... ес-ть... – удивлённо тянет один, разглядывая меня.

Второй разворачивается в вагончик. Не дожидаясь воды, здесь же, у крыльца вагончика, я снимаю на землю свой ботанический рюкзачок и осторожно стягиваю, через голову, свою штормовку.

– Даа! – хмыкаю я, – Одни лохмотья! Как клоун! То-то, на меня смотрят!

Цельный брезент штормовки прорван по животу длинными, вертикальными прорывами.

– Хм! – недоумённо качаю я головой, – Когда он, мне живот вспорол?! Целых два раза полоснул... Интересно – оба раза, четыре когтя прорывали, а пятый – только оставлял длинный, белый след!

Про правый рукав и говорить нечего – он посечён вдоль, на узкие полоски и в довершение, почти вырван с корнем, со стороны спины.

– Это – когда он меня в плечо ударил, лапой! – оцениваю я, молча.

Капюшон штормовки, на уровне правой щеки, прорван горизонтально, словно несколько раз ножницами прорезан.

– Вот, блин! – матерюсь я, сам с собой, – С самого края! Здесь же – он подрублен, брезент в два слоя!.. По горизонтали! Прорвал, как бумагу! Как так? Ведь, капюшон свободно на плечах лежит, за головой!.. Ещё сантиметр – и лицо порвал бы...

Я, морщась, стаскиваю через голову, свой толстый, синий свитер... И достаю из рюкзачка военные перевязочные пакеты. У меня, их – целых три штуки! Я – предусмотрительный! Я, на такую встречу, рассчитывал...

Один из пастухов, наконец, выходит на высокое крыльцо вагончика, с кружкой воды. Локоть моей правой руки раскрывается кровавой лоханью обширной раны.

– Блин! Клыками засадил! – думаю я, морщась, – Здесь – главная проблема. Да и вообще, этой руке досталось...

Я киваю на свою окровавленную руку и снизу-вверх, прошу пастуха: «Помоги перевязаться, а? Нужно от самого плеча мотать! А левой рукой – мне так неудобно!». Мужчина, на крыльце надо мной, переламывается в пояс, едва сдерживая спазмы и круто повернувшись, бросается обратно, в вагончик!

– Хлоп! – захлопывается дверь.

– Во, блин! – взрываюсь я, – Какие мы все, нежные! Мы крови боимся!

– Блин!.. – кое-как, бурча проклятия себе под нос, я туго перевязываюсь.

Сам. Кое-как натягиваю на себя, эту же одежду. Потому что, другой одежды – у меня просто нет.

Так, дело сделано. Теперь – прошагать пару километров по грунтовой дороге, до кордона на мысе Четверикова...

– О! Саня пришёл! – высыпают в коридор многочисленные обитатели бетонного кордона.

– Что принёс? – весело интересуется Сергей Ольшевский.

– Я? – не понимаю я его, – Ничего.

– А, что на груди держишь?

– А, это... – доходит до меня, – Руку!

– Что? – теперь уже, не понимают меня, – Какую руку?!

– Свою руку! – взрываюсь я, – Собственную! Меня медведь побил... Отлежаться бы...

– Что? – взвизывает, оказавшийся на кордоне, главный лесничий Горлач, – Я тебе, блин, покажу Кузькину мать! Я, блин, тебе отлежусь!.. Виктор! До доек его! Там молоковозы в посёлок ходят! В больницу его! Быстро!

...Самосвал ЗИЛ быстро мчит по хорошей грунтовой дороге. На скорости, деревья по её обочинам, сливаются в сплошную зелёную массу. Разговорчивый шофёр всё время, безудержу, о чём-то болтает. Глядя на стремительно стелющуюся под колёса серую ленту дороги, я ухожу в себя, возвращаясь в такое недалёкое прошлое. В голове тяжело ворочаются обрывки мыслей: «Жизнь продолжается... Как страшно я кричал! Никогда не думал, что могу так страшно кричать... С жизнью простился... Не верится, что живой... Не верится... Не верится...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.